

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

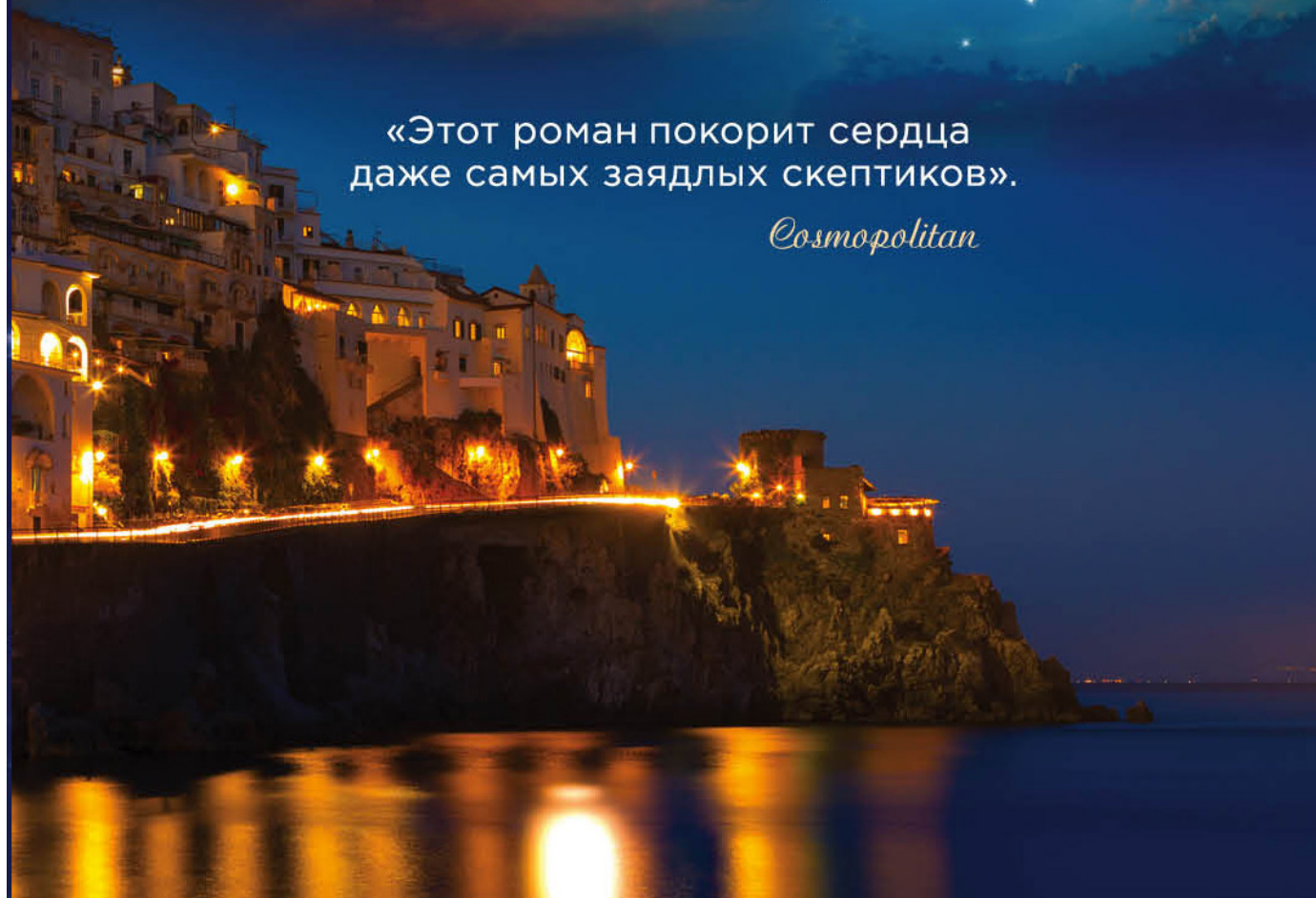
КАРЕН УАЙТ

*Ночь, когда огни
погасли*

«Этот роман покорит сердца
даже самых заядлых скептиков».

Cosmopolitan

Зарубежный романтический бестселлер

Карен Уайт

Ночь, когда огни погасли

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уайт К.

Ночь, когда огни погасли / К. Уайт — «Эксмо»,
2018 — (Зарубежный романтический бестселлер)

ISBN 978-5-04-110250-0

Мэрили переезжает в небольшой и очень уютный город, где арендует коттедж у суровой женщины девяноста четырех лет по прозвищу Душка. Мэрили быстро сближается с местными жителями. У нее появляется подруга и даже тайное увлечение – мужчина, регулярно навещающий Душку, давнишнюю знакомую его бабушки. Все бы хорошо, но загадочный автор, что ведет городской блог «Правила игры», вдруг начинает публиковать в нем очень личные детали из жизни Мэрили. Пытаясь установить его личность, Мэрили попадает в причудливую ловушку.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110250-0

© Уайт К., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Карен Уайт

Ночь, когда огни погасли

Karen White

THE NIGHT THE LIGHTS WENT OUT

© Смирнова А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Коннор, которая родилась и выросла в Джорджии.

Правила игры

Наблюдения о пригородной жизни в Свит-Эппле, штат Джорджия

Автор: Ваша Соседка

Пост № 1: Бульдозеры и белые «Кадиллаки» – настоящее проклятие!

Сегодня женщина в парикмахерской спросила, где я училась краситься. Я сочла это комплиментом, потому что всегда забочусь о коже, чтобы она была гладким холстом, куда я потом буду наносить краски. Я сразу поняла, что эта женщина – не местная. По акценту. И по вопросу. У нас на Юге любая уважающая себя мать сама учит свою дочь краситься. Мне кажется, в отдаленных уголках Юга, в дельте Миссисипи например, девочки рождаются с кисточкой для макияжа в руке. Ну, может, это только слухи, но вы никогда не замечали, сколько «Мисс Америка» родом из Миссисипи?

Она попросила меня сказать несколько слов, типа «душечка», и «галиматья», и «черт меня побери», чтобы послушать мое произношение, а потом ни с того ни с сего спросила, слышала ли я, что тут неподалеку повесили невинного. Мне пришла в голову внезапная и довольно неприятная мысль: не думают ли приезжие, что у нас тут в Свит-Эппле какие-нибудь «Унесенные ветром» или «Ночь, когда погасли огни в Джорджии»? Поэтому я решила завести блог, своего рода руководство для прибывших сюда. Пусть немного образуются, узнают хоть чуть-чуть о Юге и его порядках, прежде чем совершить какую-нибудь глупость, вроде как нацепить белые штаны после Дня труда или заявиться на похороны без гостинцев в утешение.

Как все приличные разговоры, этот, думаю, нужно начать с погоды. Для тех приезжих, которые еще не поняли, что мы, местные, называем парилкой, летняя жара наступает внезапно. Цикады начинают подавать сигналы предупреждения, и прежде чем древесные лягушки начнут рыгать в унисон, приходит лето.

Но если вы живете в новом районе, то ни цикад, ни лягушек вы не услышите сквозь непрерывный грохот систем вентиляции, которые установили себе все ваши соседи и которые целый день трещат, будто соревнуясь, какая громче.

Мне хотелось бы попросить выключать кондиционеры хотя бы по вечерам, когда становится прохладнее, и ради разнообразия слушать самих себя. Может, вам даже удастся услышать голоса соседей. Хорошо думать, будто мы живем внутри мыльных пузырей, оснащенных вентиляцией, но это не так. Мы вынуждены делить свободное пространство с нашими соседями. Не забывайте, что Господь завещал нам их любить, каким бы трудным это порой ни пред-

ставлялось. Например, когда они голосуют за то, чтоб снести бульдозером чужую ферму, или паркуются на пожарном проезде к супермаркету, или подрезают меня на своем белом «Кадиллаке» (иногда это «Мерседес», или «БМВ», или даже обычная «Хонда», но непременно белая), хотя я-то еду с нормальной скоростью. Даже если вы опаздываете на химический пилинг, это все равно не дает вам права меня подрезать, и не важно, насколько неровная у вас кожа. Это не по-соседски, вот и все.

Да, Господь завещал нам любить соседей. Но я не могу отделаться от фантазий на тему тысяч и тысяч различных способов избавиться от некоторых из них. Насовсем. Слава богу, это только фантазии.

Глава 1

Мэрили

Свит-Эпл, Джорджия, 2016

Если Мэрили Талбот Данлап что и усвоила за одиннадцать лет брака, так это простой факт: можно прожить с человеком целую вечность и при этом не понять, что он за человек такой. Легко принимать ту маску, которую он всегда носит, за истинное его лицо и пребывать в счастливом неведении, пока однажды маска не соскользнет. Или, как в случае Мэрили, не свалится, оставив вас посреди маскарада разбираться с новыми проблемами.

Конечно, это не она вынудила Майкла завести роман с математичкой их дочери-третьеклассницы. Но она допустила это, никогда не задаваясь вопросом неполадок в их семейной жизни, уверенно играя роль жены и матери, пока декорации и сценарий вдруг внезапно не сменились и ее не попросили покинуть сцену.

– Мама?

Мэрили повернулась и посмотрела на дочь, десятилетнюю Лили. Светловолосая и стройная, как отец, от матери она унаследовала постоянно озабоченное выражение лица. Казалось, Лили родилась с хмурой складкой между бровями. Прошедшие месяцы, за которые она пережила развод родителей, и предстоящий переезд, конечно, не могли пойти ей на пользу.

– Да?

– Что, если в новой школе я не смогу ни с кем подружиться? И никто не станет сидеть со мной на ланче? Что, если я слишком глупая для класса с углубленным английским?

Мэрили осторожно накрыла крышкой пластиковый контейнер со своей коллекцией старых карт. Она собирала их с самого детства, когда ходила с бабушкой в магазин раритетных книг и он показал ей карту, нарисованную чернилами. На ней были наброски фигур лошадей и коров, бревенчатой хижины, из трубы которой валил дым.

– Вот тут ты и живешь, – сказал дедушка, указывая на хижину.

Она была совершенно не похожа на кирпичный дом с белыми колоннами в Сандерсвилле, где она прожила всю свою жизнь, – Мэрили так и сказала бабушке, но он ответил: хижину и все, что рядом с ней, снесли, чтобы освободить место для их дома и домов по соседству, в двадцатые годы, когда ни дедушка, ни бабушка еще не родились.

Потом ей долго снились кошмары – она слышала крики жителей хижины и сомневалась, что их предупредили, прежде чем снести их дом. Она до смерти пугалась, думая о том, как страшно жить, если твой дом, твою семью, твою жизнь в любой момент могут разрушить, как песочный замок. Когда погиб ее маленький брат, она наглядно в этом убедилась.

Дедушка купил ей ту карту, еще не зная, что с нее началось увлечение длиной в жизнь. Мэрили не знала, любит ли она карты потому, что они напоминают ей о бабушке, который был для нее дороже родителей, или потому, что ей нужны доказательства того, как меняется жизнь. Не важно, хорошо все или плохо – это обязательно изменится.

Мэрили опустила на колени перед Лили и в очередной раз выругалась про себя в адрес бывшего мужа. Будто мало того, что он заставил ее почувствовать себя чужой и нежеланной! Нет же – из-за его неспособности держать ширинку на замке и не глазеть по сторонам теперь страдает их дочь, и без того ранимая. Нежно сжав хрупкие плечи Лили, Мэрили заглянула в бледно-голубые глаза.

– У тебя обязательно появятся друзья. Ты хороший человек, Лили, и все девочки захотят стать твоими подругами. Просто будь самой собой, ладно? Не забывай об этом, и все сложится

как надо. Виндвудская академия гораздо меньше твоей старой школы, а это для новенькой просто замечательно. Ты быстро со всеми перезнакомишься.

– А если я им не понравлюсь?

В глазах Лили зажегся знакомый огонек, и Мэрили чуть слышно выдохнула с облегчением:

– Я сделаю им предложение, от которого они не смогут отказаться.

Лили рассмеялась своим очаровательным смехом, похожим на звук, с которым лопаются пузырьки шампанского. Чувство вины, терзавшее Мэрили за то, что она однажды оставила на DVD «Крестного отца», уже изжило себя. Это случилось в ту ночь, когда она узнала об измене Майкла и, уложив детей спать, решила посмотреть жестокие фильмы, в которых много крови и нецензурных слов. На следующий день Лили случайно запустила «Крестного отца» вместо «Принцессы-невесты» и за пять минут, которые ушли у Мэрили, чтобы это осознать, увидела больше насилия, чем за все свои десять лет. После многочисленных извинений и лекций о том, чем фильмы отличаются от настоящей жизни, этот эпизод стал поводом для тайных намеков и шуток. Несколько недель Мэрили опасалась за психическое здоровье дочери, но зато наконец поняла, как все-таки хорошо, что Лили мудра не по годам.

Мэрили выпрямилась. Правое колено ныло, напоминая о том, почему супруг променял ее на молодую учительницу модельной внешности.

– И насчет английского не волнуйся. В спецкласс тебя направили, потому что ты умница и справишься. Но если тебе там не понравится, перейдем в другой класс – просто попробуй, ладно? Это все, о чем я прошу.

Маленькая грудка Лили поднялась и с преувеличенно печальным вздохом опустилась.

– Ладно. Сказать Колину, чтоб собирал чемодан?

– Я велела ему это сделать три часа назад. Где он?

Лили поджала губы, не зная, как ей быть. Доносить не хотелось, но она любила, когда все делается по правилам.

– Он нашел на заднем дворе дырку, а теперь сидит рядом и ждет, кто из нее выползет.

Мэрили подавила печальный вздох. Ее восьмилетний сын всегда жил по собственному распорядку, изучая окружающий мир с той неспешностью, с какой считал нужным. Мэрили находила эту особенность очаровательной и в то же время пугающей – особенно по утрам, когда, вместо того чтобы собираться в школу, Колин предпочитал выяснять, сколько зубной пасты может вытечь из тюбика, прежде чем придется его сжать.

– Напомни ему, пожалуйста, что мы с миссис Прескотт договорились встретиться в три, а сейчас почти половина третьего. Ей девяносто три года, и я не хочу, чтобы она ждала нас на такой жаре.

– Хорошо, мам. – Лили пулей выскочила из комнаты. Светлые волосы разлетались во все стороны. Она звала брата тем суровым, властным тоном, в котором Мэрили узнала свой собственный и закусила губу, когда ей захотелось напомнить дочери, что у Колина уже есть мать.

Подхватив стопку контейнеров, она направилась в гараж, где стоял теперь только выдавший виды минивэн «Хонда Одиссей», который она купила на свои деньги. Она оставила Майклу «Мерседес» и «Ауди», желая убрать из своей жизни все, что с ним связано, пусть даже в этом списке были сиденья с подогревом и ультрасовременная стереосистема. Дело принципа. А уж если у нее и было чего-нибудь в избытке, так это принципов.

Сквозь раскрытую заднюю дверь машины Мэрили заметила косметичку в дальнем углу. В ней лежали фигурки «Лего», некогда принадлежавшие ее брату. Она забрала их без спроса, зная, что мама никогда в жизни не позволит ей взять что-нибудь из вещей Дэвида. Дианн считала, будто смерть сына – лишь ее горе, а страдания всех остальных недостаточно сильны, чтобы иметь хоть какое-то значение. Поэтому Мэрили забрала их без спроса, сунула в косме-

тичку и там хранила, вынимая лишь раз в год, в день гибели Дэвида, будто это помогло бы вернуть его обратно. Все это случилось давно, но Мэрили по-прежнему прятала косметичку в ящике с носками, как будто боялась, что мать найдет ее и потребует фигурки обратно. Как будто Дэвид навсегда остался не по годам развитым семилетним мальчишкой, так и не став мужчиной двадцати девяти лет, каким мог бы стать.

Сложив на заднее сиденье маленькие коробки и чемоданы, Мэрили в последний раз прошла по комнатам опустевшего дома, где ей довелось прожить меньше двух лет. Съемное жилище уже было обставлено, так что она с большим облегчением отдала Майклу всю мебель, которую они вместе покупали на протяжении одиннадцати лет, и ощутила сожаление, лишь когда в грузовик затаскивали кровать с балдахинном. На этой кровати были зачаты оба их ребенка. Мэрили подумала, что если когда-нибудь еще увидит Тэмми Гарви, получившую в наследство ее кровать и мужа, то непременно сообщит ей об этом.

Она еще немного побродила из комнаты в комнату, слушая, как звук шагов эхом отдается от голых стен. Этот дом так и не смог стать для нее родным, и четыре предыдущих дома – тоже. Майкл считал, что нужно переезжать раз в несколько лет, в соответствии с карьерным ростом и повышением статуса. Все эти дома были в пределах одного района, чтобы детям не приходилось менять школу. Так им будет легче учиться, говорил Майкл. А ему – легче крутить роман с учительницей, поняла Мэрили гораздо позже.

Она подумала – хорошо, что ей приходилось переезжать так часто. Оставить любимый дом было бы так же больно, как разорвать одиннадцатилетний брак. Или похоронить собаку. А так вышло легко, будто снять пластырь – немного пощиплет, но забудется, едва они распакуют первую коробку в новом доме.

Дети, плюхнувшись на заднее сиденье, пристегнулись, Мэрили в последний раз проехала по подъездной дорожке и покатила вперед, не оглядываясь. Никто из соседей не вышел попрощаться. Она толком ни с кем не познакомилась – всегда была занята, не имела в наличии столько свободного времени, чтобы заводить друзей, поэтому и не ожидала, что провожать ее будут торжественнее, чем встречали.

Помахала на прощание охраннику у дверей, и первые капли дождя тут же упали на сухой асфальт, на грязное ветровое стекло, уже заляпанное останками множества насекомых. Дождь и насекомые. Мэрили подумала: вот достойная церемония прощания с прежней жизнью, которую она еще не в силах была отпустить, но и держаться за нее не собиралась. Потом подумала о коробках со старыми картами, лежавшими в багажнике, снова и снова напоминавшими о непостоянстве всего земного, о том, что все меняется, и не важно, хотим мы этого или нет.

Душка

Душка Прескотт сидела за обеденным столом в гостиной старого дома и печатала письмо лучшей подруге, Уилле Фэй Маккензи Кокс, на машинке «Смит-Корона» 1949 года; рядом стоял флакон штрих-корректора. Душка редко им пользовалась, но всегда держала под рукой, просто на всякий случай. В восемьдесят три года не так много времени, чтобы тратить его напрасну. А у Уиллы Фэй времени, чтобы ждать письмо, предостаточно. Дочь только что отвезла ее в дом престарелых, очаровательно именуемый «Особняк». В бездетности есть свои плюсы, думала Душка, – во всяком случае, не придется столкнуться с таким унижением; тебя не отправят в подобное заведение, будто коробку со старыми игрушками, из которых уже выросли, но выбросить рука не поднимается.

Она огляделась, не желая пропустить момент, когда появятся новые жильцы. Она никогда раньше не встречала ни Мэрили Данлап, ни ее детей, но Робин Хендерсон, агент по продаже недвижимости, которая занялась сдачей старого коттеджа за фермой Душки, говорила обо всех троих только хорошее. Дети Робин ходили в одну школу с детьми Данлапов, поэтому Робин

была в курсе всех подробностей развода. Душка не любила сплетен, но умела внимательно слушать. Ей показалось, коттедж – хорошее место, чтобы пережить тяжелый период и понять, что делать дальше. Не то чтобы Душка горела желанием заводить друзей, но у нее было чувство, что Мэрили Данлап, какой бы она ни была, вдруг осталась совершенно одна и ей нужна помощь. А Душка прекрасно понимала, что значит быть совершенно одной. Она подозревала, что в последние годы размякла, но отрицала бы, если бы кто-то попытался убедить ее в этом.

Допечатав последнее слово, она вынула лист из каретки, поднялась и подошла к окну. Дождь утих, оставив смазанный, водянистый пейзаж; плетистые розы у крыльца, раскисшие от воды, раскрылись всеми лепестками, словно жадно дышали. Маленькое озеро перед фермой, густое, как сироп, и коричневое, как патока, отделяла от дороги белая оградка. Душке внезапно вспомнилось, как ее брат Джимми, босой, сидит на грязном берегу и ловит черепах – веснушчатый нос обгорел до красноты и блестит на солнце. Все четверо ее братьев давным-давно ушли, но Душка видела их все чаще и чаще, словно в старости прошлое и настоящее сближаются плотно, как мехи аккордеона, и между ними не остается воздуха.

Она смотрела, как белый минивэн съезжает с дороги на тропинку, ведущую мимо озера к ферме, скользящую между величавых старых дубов, которые посадил ее прапрадедушка еще до Гражданской войны, – высоченных деревьев с широченными корнями. Тропинка была лишь узкой полоской красной глины, грязной, размокшей от дождя. Минивэн съехал в сторону – даже по мокрой траве колеса скользили лучше. Душка улыбнулась, думая, что водить машину по скверным дорогам Джорджии Мэрили Данлап явно умеет.

Вышла на крыльцо, стала ждать, когда остановится минивэн. Конечно, подъездная дорожка никуда не годилась, но меньше всего на свете Душке хотелось прокладывать новую. Ее братья и так перекопали всю ферму, и она ни за что не стала бы продолжать в их духе – не важно, к каким неудобствам приводило такое решение.

Женщина, которая осторожно выбралась из машины, выглядела совсем не так, как представляла себе Душка. Она оказалась моложе – по-видимому, чуть за тридцать – и гораздо красивее. Можно подумать, с красивыми не разводятся. К удивлению своему, Душка поймала себя на том, что ищет в Мэрили недостатки, словно пытаясь объяснить себе, почему она оказалась в таком положении. Как будто сама не понимала.

– Добрый день, – сказала женщина, прежде чем открыть заднюю дверь машины и выпустить двоих детей. Оба были светленькими, а мать – темненькой. Прямые, аккуратно расчесанные волосы разделял боковой пробор. Светло-карие глаза казались почти зелеными. Макияжа почти нет – чуть подкрашенные ресницы, чуть припудренный нос и призрачный блеск усталости. – Я – Мэрили Данлап. – Она протянула руку.

Душка пожалала кончики ее пальцев – она так и не привыкла к рукопожатиям, какими обмениваются современные женщины, – но не улыбнулась в ответ. Ей пока не хотелось, чтобы Мэрили видела в ней кого-то, кроме человека, у которого будет снимать жилье.

– Это, должно быть, ваши дети, Лили и Колин?

– Верно. Дети, это миссис Прескотт, у которой мы будем снимать дом.

Оба, после того как их представили, протянули Душке руки, убедив ее в том, что Мэрили, несмотря ни на что, смогла привить им хорошие манеры.

– Мы раньше жили на ферме под названием Прескотт, – сказала Лили. Ее широко распахнутые глаза смотрели серьезно, на лбу собралась хмурая складка, будто она слишком много времени проводила, пытаясь понять логику мира.

Тело матери Душки только-только положили в могилу, а старший брат, Гарри, уже продал большую часть земли только потому, что кто-то захотел ее купить. Эти воспоминания до сих пор отдавались болью.

– Да, эта ферма принадлежала моей семье, когда я была маленькой. Все, что носит название Прескотт, принадлежало моей семье. Но это было очень давно, когда в этих краях жило много Прескоттов. А теперь осталась только я.

Посмотрев на Мэрили, она сказала:

– Прошу, зовите меня Душка. Все меня так зовут. По документам я Элис Прескотт-Бейтс, но, сколько себя помню, все называли меня Душкой Прескотт, пусть так и останется. Я совсем немного побывала замужем, прежде чем овдоветь, так что не успела привыкнуть к фамилии мужа. Дети могут звать меня тетей Душкой.

– Пахнет печеньем, – вдруг заявил мальчик, глядя на нее с надеждой. Его светло-голубые глаза были того же оттенка, как у ее младшего брата Джимми, и она забыла, всего на минуту, что Джимми не стало больше семидесяти лет назад. И в эту минуту слабости она шагнула в сторону и пошире распахнула дверь.

– Заходите, – сказала она. – В «Крёгере»¹ сахар по акции, и я напекла печенья с шоколадной крошкой. Если не хотите, отнесу их подруге в дом престарелых, сама-то не ем.

– Нам неловко вас беспокоить, – ответила Мэрили, положив детям руки на плечи.

– Ну печенье само себя не съест, кому-нибудь все равно придется.

Брови девочки сошлись на переносице.

– А они без глютена? У меня болит живот, и моя подруга Бет считает, что у меня аллергия на глютен.

Мэрили обняла Лили и печально посмотрела на Душку.

– Раньше у нее не было проблем с печеньем. Думаю, желудок у нас в последние несколько месяцев страдает из-за стресса.

– А у меня не болит живот, – объявил Колин. – Если Лили не будет печенье, я могу съесть за нее.

Душка повела их в кухню и остановилась, когда Колин, застыв у входа в гостиную, показал пальцем на печатную машинку.

– Что это такое?

Душка глубоко вздохнула – еще десять минут назад молодое поколение не беспокоило ее так сильно.

– Печатная машинка. Люди печатали на них, когда не было компьютеров. Я вела в «Атланта Журнал» колонку о домоводстве, и в восемьдесят втором мне подарили эту машинку, когда меня отправили на пенсию, а колонку закрыли.

Его глаза распахнулись так широко, будто он попал в Диснейленд.

– Ого! Это настолько раньше, чем я родился... – Он повернулся и изумленно посмотрел на Душку. – Какая вы старая!

– Колин! – начала было Мэрили, но Душка махнула рукой.

– Ты совершенно прав, Колин. Я очень старая. В декабре мне, собственно говоря, исполнится девяносто четыре. Большое спасибо, что напомнил.

Лили снова нахмурилась – хотя, может быть, и не переставала. Указывая на пишущую машинку, она спросила:

– А что, вайфая здесь нет?

Лица всех троих новых жильцов приняли испуганное выражение.

– Молодой человек, который делал здесь ремонт, сказал, что провел сюда все современные удобства. Его зовут Уэйд Кимбалл. В кухне лежит его визитная карточка, и я дам ее вам, чтобы вы сами могли с ним связаться по любому вопросу. Я современными технологиями не владею, так что ничем не могу помочь.

---

¹ Сеть супермаркетов.

– Мне нужен вайфай, – все еще хмурясь, пробормотала Лили. – Мне нужно зарегистрироваться на сайте школы. Я узнала на прошлой неделе, что это необходимо.

Голос Мэрили показался Душке усталым.

– Уверена, мистер Кимбалл подключит вайфай, если он еще не подключен.

– Верно, – сухо сказала Душка, снимая пищевую пленку с тарелки, полной печенья, и ставя тарелку на стол. – Не стоит беспокоиться понапрасну.

Мэрили улыбнулась, и ее лицо впервые за все это время расслабилось.

– Мой дедушка говорил то же самое.

– Мудрый человек, – сказала Душка.

– Это да. – Мэрили снова напряглась, повернувшись к детям и внимательно следя, чтобы они взяли только по два печенья и расстелили на коленях салфетки. Она не попросила печенья для себя, а Душка не предложила. Они и так были здесь дольше, чем ей бы хотелось.

– Не крошите на пол, дети, – велела Мэрили, поднявшись и стоя у края стола. Ей, судя по всему, не терпелось уйти так же сильно, как Душке не терпелось ее выпроводить.

Душка налила два стакана молока, а Мэрили тем временем подошла к большому панорамному окну за раковиной, настоящей старой раковиной, которую, должно быть, установили здесь раньше, чем раковины сделались элементом декора.

– Отсюда вам будет виден наш дом, – заметила Мэрили.

Отлично.

– Не волнуйтесь, я не собираюсь совать нос в ваши дела.

Щеки Мэрили залились краской.

– Нет, я не то имела в виду... просто... я привыкла, чтобы меня окружали люди. Когда Робин показала мне этот дом, я чуть не отказалась – думала, он отрезан от людей...

Женщина казалась такой молодой, такой хрупкой, и Душка второй за сегодня раз забыла, что не хочет водить дружбу с жильцами.

– Почему же вы передумали?

Мэрили не стала медлить с ответом.

– Близко к новой школе и студиям, где занимаются дети, и цена хорошая. У меня не особенно много вариантов. К тому же этот дом и ферма такие милые. Это ведь замечательно.

Чуть помедлив, Душка поставила стаканы на стол и встала у окна рядом с Мэрили. Облака казались розоватыми в лучах полуденного солнца, рвавших их на клочья, как сахарную вату, и она вновь увидела всех четверых братьев – маленькие, босоногие, без рубашек, они бежали по пастбищу в сторону леса, голося, как недорезанные свиньи.

– Думаю, вашим детям здесь понравится. Я выросла в этом доме с четырьмя братьями – я была самой младшей. Тот дом, где будете жить вы, построил отец, когда я вышла замуж. Но там я долго не прожила – Тома убили на войне. Это хороший дом, сколочен на славу – не так, как сейчас строят. Там и подвал есть, на случай торнадо. Лучше заранее научиться спускаться и подниматься. Ближайшая штормовая волна – в трех милях отсюда, и вы можете ее не услышать.

– Спасибо, – тихо сказала Мэрили, глядя на полоску деревьев за новым своим домом. – А эти леса – ваши?

Душка постаралась дышать ровнее.

– Да. Но я бы не советовала ни вам, ни детям туда ходить. На другой стороне там сарай, и вы можете захотеть там заночевать, потому что многие дети считают, будто лес – это очень интересно, и если пойдете через него, легко срежете путь. На самом деле – нет. Леса здесь темные, глухие, вы запросто заблудитесь, если не знаете, куда идти. Там живут медведи, и ядовитых змей хоть отбавляй. Вам с детьми лучше туда не соваться.

Она почувствовала внимательный взгляд молодой женщины, но не повернулась.

– Мамочка, смотри – радуга! – закричал Колин с набитым ртом, из которого тут же посыпались крошки. Прежде чем Мэрили успела что-то ответить, его сестра встала рядом у окна.

– Будь у меня айфон, я бы сфотографировала.

Мэрили почти неслышно вздохнула:

– Послушай, тебе только десять. Зачем тебе айфон? Где тот фотоаппарат, что я подарила тебе на Рождество?

– Он такой... несподручный... – Лили выдержала паузу, как бы желая удостовериться, что все услышали умное слово, по-видимому, заимствованное у матери. – Будь у меня айфон, фотоаппарат умещался бы в сумочке.

– У тебя нет сумочки, – заметила Мэрили.

Лили нахмурилась, увидев, что Колин сунул в рот еще одно печенье, вне всякого сомнения, уверенный, что мать отвлеклась на разговор с сестрой.

– Я все видела, Колин, – сказала Мэрили, не повернув головы. – И это значит, что за ужином ты не выйдешь из-за стола, пока не съешь все овощи – и не важно, сколько ты там просидишь.

Колин с трудом сглотнул.

– Хорошо, мам.

Мэрили взглянула на небо, ставшее бледно-розовым, на тучи в синяках теней.

– Спасибо за молоко и печенье. Дождь уже кончился, так что мы пойдем. Хотелось бы до ужина разобрать чемоданы и развесить одежду. – Прежде чем уйти, она еще раз посмотрела в окно. – Как темно и тихо, наверное, там, в лесу. Как будто время замерло.

Ничего не ответив, Душка повернулась к кухонному столу и поставила на него две одно-разовые тарелки, положила кусок пищевой пленки. Остатки печенья велела поделить поровну. У нее никогда не было детей, но были братья, и она знала, как в таких делах важна справедливость. Потом вынула из ящика визитную карточку Уэйда, протянула Мэрили.

– Звоните в любое время. Если нужно что-то починить, он сначала придет оценить, а потом в положенный срок все сделает.

Мэрили посмотрела на карточку.

– Так он, получается, мастер на все руки? Мне нужен кто-то, кто сколотит мне книжные полки – у меня большая коллекция...

– Договаривайтесь с ним сами – я не хочу вовлекать его... в дела жильцов. Он может что угодно, потому что он строитель, но работает на меня, потому что его бабушка – моя лучшая подруга, и я его с пеленок знаю. Просто скажите ему, кто вы, и он не откажет.

– Спасибо, – ответила Мэрили и взяла карточку. Душка вручила ей ключи от коттеджа, проводила до двери.

– Домработница постелила на кровати чистые простыни. Чистые полотенца лежат в бельевом шкафу в прихожей и в обеих ваннах. С этого момента вы отвечаете за их стирку.

– Спасибо, миссис Прескотт... Душка. Вы такая добрая.

– Я делаю это не из доброты, а потому, что такова моя работа. И потому что не люблю звонков с вопросами, где лежат простыни и полотенца.

Душка открыла дверь, и улыбка сошла с лица Мэрили – она заметила, что Лили по-прежнему хмурится.

– Позвони мистеру Кимбаллу прямо сейчас, мам! Мне нужно знать, есть ли у нас вайфай.

– Не волнуйся, Лили, я непременно позвоню. – В ее голосе послышались нотки, которых до этого не было. Будто последняя нервная клетка разрушилась, и теперь Мэрили цепляется за остатки окончаний.

Душка повернулась к ней:

– Не забывайте, что я говорила по поводу лесов. Ими хорошо любоваться издали, но ходить туда опасно.

– Я поняла, – ответила Мэрили, открывая дверь минивэна. – В любом случае, когда начнется учеба и все остальное, у нас вряд ли будет время изучать окрестности.

Они попрощались и сели в машину. Душка стояла на крыльце и смотрела, как они вытянули головы вперед, желая поскорее увидеть, как их новый дом покажется из-под навеса дубов. Птенцы в ожидании пищи.

Душка прислушалась, услышала, как вода капает с крыши террасы на старые деревянные ступени. Посмотрела в небо, сошла с крыльца, вслушалась в шум уезжающей «Хонды», которая уже скрылась из вида за дубами. Душке не нужно было видеть то, что происходит, чтобы знать об этом, – это касалось теперь почти всего.

Следуя взглядом за радугой, заметила, что разноцветные арки выцветают над лесом. Не нужно было ходить в лес, чтобы знать – там она не найдет ни мешок золота, ни еще что-нибудь, о чем обычно мечтают люди. Поджав губы и скорчив недружелюбную гримасу, она пошла в дом, а ветер рвался из раскрытых окон и дразнил запахами дождя, старыми воспоминаниями, которые казались столь же неизменными, как красная глина под ногами, под высокими елями темных лесов.

Глава 2

Мэрили

Стайка мамочек, окруженных навороченными кроссоверами, толпилась на парковке – так начинался первый день Лили и Мэрили в Виндвудской спецшколе. Женщины сосредоточенно слушали, что им рассказывает высокая блондинка в центре полукруга. Волосы блондинки, идеально уложенные, спадали на плечи из-под белой теннисной кепки; руки и ноги были длинными, загорелыми, блестящими. Мэрили заметила этот блеск, потому что бывшая свекровь на прошлый день рождения подарила ей бутылочку лосьона, и Лили заявила, что кожа Мэрили теперь сверкает, как у Кэти Перри в одном из клипов. Мэрили выбросила бутылочку с остатками, осознав, что теперь ей ни к чему блеснуть и уж тем более сверкать.

Но блондинка сверкала. Все ее тело сияло. Лицо сияло. Даже волосы под кепкой, казалось, сияли. Женщина показалась Мэрили смутно знакомой, и она вспомнила, что, кажется, встречала ее на дне открытых дверей на прошлой неделе. Там они просто познакомились, обсудили расписание и участие в различных внешкольных мероприятиях, почти всегда проводимых на выходных.

У Мэрили была плохая память на имена, которая стала еще хуже, когда она начала встречаться с Майклом. Он так охотно подсказывал ей, кто есть кто, на любой вечеринке, что в конце концов она перестала пытаться всех запомнить. Ей казалось, что все это лишь от долгого отсутствия практики и теперь будущее ее детей зависит от того, сможет ли она исправить положение – ведь рядом больше не будет Майкла, чтобы напоминать ей, кто из друзей Лили дружит или не дружит между собой и кому из учителей Колина нравится его излишняя мечтательность, а кому нет. Раньше это было их игрой: она детально описывала ему друга или учителя, и Майкл, обычно упускавший из вида подробности, заполнял пробел, называя имя. Но теперь ей нужно было справляться самой.

Она неуверенно улыбнулась блондинке и ее окружению и почти дошла до минивэна, как ее вдруг окликнули:

– Мэрили? Мэрили Данлап?

Отлично. Эта женщина запомнила не только ее имя, но и фамилию. Натянув радушную улыбку, Мэрили повернулась к ней:

– Ой, здравствуйте. Рада снова вас видеть.

Другие женщины расступились, как Красное море, блондинка подошла к Мэрили, и та вспомнила: в прошлый раз на ней был сарафан от «Лилли Пулитцер» и сережки с бриллиантами в два карата. Но имя так и не вспомнилось.

– Я вас искала. Хотела поговорить насчет классного часа с мисс Маршалл. Я вхожу в родительский комитет, и мне бы хотелось самой пригласить Лили.

Мэрили запомнила ее голос – женщина говорила с сильным южным акцентом, глотала согласные и растягивала гласные. Он отложился в памяти, потому что звучал в точности как голос матери Мэрили.

– Мы сегодня немного опоздали. – Внезапно почувствовав себя слишком низкорослой, слишком безвкусно одетой (темная юбка, пиджак), Мэрили ощутила сильное желание оправдаться. – Сын никак не мог найти новые ботинки. Они каким-то неведомым образом оказались в той коробке, в какой их купили, и отправились так далеко под кровать, что пришлось почти двадцать минут их доставать. А потом Лили опрокинула тарелку с кашей себе на юбку, и пришлось срочно гладить другую.

Женщина окинула ее ласковым взглядом из-под солнечных очков, будто знала, каково быть замотанной матерью-одиночкой.

– Я вас умоляю! Это всего лишь первый день в новой школе. Вы быстро привыкнете, я вам точно говорю. У меня ушел целый месяц, чтобы понять: нужны чистая юбка и блузка на каждый день и еще запасной комплект, так что Патрисия должна их стирать и гладить сразу же, как девочки бросят их на пол.

Не совсем понимая, как отреагировать, Мэрили повторила самое непонятное в этом предложении слово.

– Патрисия?

– Моя домработница. Что бы я без нее делала! С этими расписаниями ужасная морока. – Она сунула руку в большую сумку, скорее даже портфель, с дизайнерским логотипом, обвивающим кожу, как плющ. – Хотела отправить вам по почте, но раз уж вы тут, передаю лично. Это расписание праздников и выездных экскурсий на весь год. Просто отметьте, что хотели бы посетить, и попросите Лили передать его Бейли как можно скорее. Бейли очень ответственная, она сразу же отдаст его мне. – Женщина улыбнулась, продемонстрировав идеальные зубы. – Но, прошу вас, выберите только четыре мероприятия – все мамы хотят присутствовать на всех, и выходит так, что помещение переполнено и в автобусе не хватает мест.

– Только четыре... – Мэрили взяла список, окинула взглядом и с трудом сдержала вздох. Наверху было напечатано имя женщины – Хизер Блэкфорд, родительский комитет. Ниже стояли три номера телефонов. Теперь Мэрили вспомнила. Младшая дочь Хизер училась в одном классе с Колином, имена обеих девочек начинались на букву Б.

– Да. Если вернете список завтра, будет просто потрясающе. Я попрошу Клэр занести вас в таблицу и разошлю новые списки остальным родителям. Но, пожалуйста, пишите аккуратно – у Клэр есть особенность коверкать имена.

– Клэр?

– Мой личный помощник. Работает на полставки, но без нее я просто умерла бы от усталости.

Дамы за спиной Хизер понимающе кивнули.

– Да, хорошо, посмотрю и завтра вам верну. – Мэрили задумалась, как попросить начальника дать ей больше выходных. Развод и переезд заняли почти весь отпуск, и хотя Макс был добрым и понимающим, у любого терпения есть предел.

– И не забудьте, что в эту субботу я устраиваю вечеринку в честь того, что пережила первую школьную неделю! Все мамы и папы получают одноразовые фотоаппараты, чтобы снимать разные события в течение года – я хочу к лету сделать маленькие фотоальбомы для детей и учителей. – Она улыбнулась, будто это было сущей ерундой. – Да, и я позволила себе большую наглость и повесила на вас десерт, потому что мы уже устали макать овощи в плавленый сыр. Я подумала – уж вы-то знаете, как приготовить что-нибудь вкусное!

– Ой... – Мэрили на минуту зажмурила глаза, задумавшись, не хочет ли Хизер таким образом намекнуть на ее лишний вес.

– Вы же из Южной Джорджии. Вы говорили об этом, когда мы познакомились. И еще сказали, что у меня акцент, как у вашей мамы.

Чувствуя странное облегчение, Мэрили сказала:

– Да, конечно. А вы откуда?

– Я живу то тут, то там, но большей частью в Джорджии. Я всегда могу сказать, кто здесь родился. Это не спрячешь, верно? Не важно, как далеко вас забросит жизнь, – стоит вам открыть рот, и кто-нибудь обязательно догадается, откуда вы родом.

Что-то в ее словах заставило Мэрили промолчать. Потом она пробормотала:

– Хорошо, я сегодня позвоню маме и посоветуюсь, что лучше приготовить.

– Чудесно. – Хизер просияла. Нажала на брелок-контроллер, и задняя дверь черного «Порше» с VIP-номером VEESEEV медленно распахнулась. Пока другие мамы восторженно охали и ахали, Мэрили заглянула в салон и увидела четырнадцать блестящих, аккуратно запечатанных подарочных пакетов голубого и розового цвета. Указав на них, Хизер пояснила:

– Lagniappe, как говорят мои друзья-французы. Маленькие сюрпризы в честь первого учебного дня. За мой счет. Думаю, мы сегодня вручим им эти пакеты, а потом поедем в кафе-мороженое. Я уже забронировала зал. Утром Клэр развесила гелиевые шарик, все будет выдержано в тонах Виндвудской спецшколы.

– Ну это уж слишком, – сказала одна из мам, пока все остальные, радостно подлетев к машине, расхватывали пакеты.

Что-то в ее интонации заставило Мэрили поднять глаза и посмотреть. На женщине было платье в цветочек, не сказать чтобы стильное или соблазнительное, колготки и туфли-лодочки. Все остальные мамы, кроме нее и Мэрили, были в теннисной форме. И улыбались. Все, кроме Мэрили и этой женщины. Поймав ее взгляд, незнакомка подняла брови, а потом, взяв два розовых пакета, вручила один Мэрили.

– Я Линди Мэттьюс, мама Дженны.

Мэрили пожала протянутую руку и изумилась силе хватки, которая никак не вязалась с худобой Линди. Она была похожа на спортсменку – очень высокая и стройная, ни грамма жира ни на шее, ни на щеках. Когда Мэрили сообщила Майклу, что хочет начать бегать, чтобы сбросить вес после двух родов, он заявил: терпеть не может тощих женщин и их цыплячьей шейки. Но, как выяснилось, чуть полноватую женщину он тоже терпеть не стал.

Линди улыбнулась, и Мэрили подумала о ней – красива без макияжа, в отличие от всех остальных мам, которые, казалось, провели целый день в салоне ради теннисного матча. Причем они по-настоящему играли в теннис, а не просто нацепили красивые юбочки (ведь известно, что не все, кто носит спортивные штаны, в самом деле занимаются спортом).

– Я вас не видела на классном часе – пришлось уехать пораньше из-за работы, – сказала Линди. – Я так понимаю, вы новенькие.

– В Виндвудской академии – да, но в Свит-Эппле живем уже шесть лет. Сначала ходили в бесплатную школу, но родители мужа настояли, чтобы я перевела детей в другую.

Линди подняла на нее светло-карие глаза.

– Родители мужа...

– Мы недавно развелись, и в школе начались бы трудности из-за некоторых... людей, так что родители мужа решили – нам с детьми будет лучше уехать. За учебу платят они, так что я вынуждена была согласиться. К тому же они живут в Далласе, так что больше ничем не могли бы мне помочь. Но они на моей стороне.

– Ух ты! Вы мне обязательно расскажете, когда мы познакомимся поближе. Мне кажется, у нас с вами много общего.

Судя по акценту, она была явно не с юга. Мэрили выдвинула следующее очевидное предположение:

– Вы тоже в разводе?

Линди покачала головой:

– Не-а. Но я не играю в теннис. И в гольф. И работаю не на дому. – Она указала на костюм Мэрили. – Мы тут, в Виндвудской академии, как единороги.

Мэрили было так приятно, что кто-то прочитал ее мысли, и она не смогла сдержать смех. Другие мамы оглянулись и посмотрели на них.

– Эта толпа может вас напугать, но в целом они ничего. Просто слишком... крутые. Особенно Хизер. – Линди сунула ей в руку визитку. – Позвоните мне. Сходим выпьем кофе. Я вам расскажу обо всем, о чем не сказали на классном часе. Я состою в школьном совете, и

мне известны все его тайны. – Она подмигнула. – И вообще, звоните по любым вопросам. Мы, единороги, должны держаться вместе.

Мэрили улыбнулась:

– Спасибо, я непременно позвоню. Вообще, если честно, у меня и сейчас к вам вопрос. Я ищу того, кто мог бы иногда подвозить детей в школу. Не подскажете, может, кто-то живет недалеко от меня? Раньше они ездили на школьном автобусе, а теперь не знаю, что и делать.

– Может, я смогу помочь. Где вы живете?

– У перекрестка Прескотт-Бенд и Прескотт-Роуд.

Линди наклонила голову:

– На ферме Прескоттов, что ли?

– Ну да. Я снимаю старый коттедж за домом.

– Вы снимаете жилье у Душки Прескотт? – вмешалась Хизер все с той же широкой и радушной улыбкой, но тон был резким.

– По крайней мере, ближайšie полгода. Очень красивый коттедж, там так спокойно. Маленькое озеро, рядом лес. Там не чувствуешь времени. Нам с детьми очень нравится.

Лицо Хизер приняло озабоченное выражение.

– Надеюсь, вы не очень много общаетесь с Душкой. Она старая, как динозавр, и такая же противная. Я как-то с ней поцапалась в аптеке, помнишь, Лиз? – Она повернулась к миниатюрной брюнетке, лица которой было почти не разглядеть за теннисной кепкой, и та энергично закивала. – Когда у Брук началась эта ее ужасная весенняя аллергия и надо было срочно дать ей лекарство, потому что мы опаздывали на урок тенниса. Я попросила Душку пропустить меня, а она мне нахамила. Отвратительная дама, вот уж точно.

– Какой кошмар, – сказала Линди серьезным тоном. Потом вновь повернулась к Мэрили: – Ну мне пора. Я спрошу, кто может помочь с детьми, и передам вам.

– Спасибо, – Мэрили помахала визиткой. – Я вам напишу СМС, чтобы у вас был мой номер.

– Пока, дамы. – Линди махнула им рукой. – Увидимся на субботней вечеринке!

Мэрили смотрела, как Линди садится в белый «Приус», потом перевела взгляд на визитку.

«Линди Ф. Мэттьюс. Мэттьюс и Мэттьюс, семейное право».

Хизер коснулась руки Мэрили:

– Мы как раз собрались в новую кофейню, «Чашечки». Надеюсь, вы с нами?

Мэрили взглянула на часы и пришла в ужас – было уже так поздно!

– Я бы с радостью, но мне нужно работать.

Хизер ласково улыбнулась, но в голосе звучало неодобрение.

– Мы все работаем, дорогая. Но детям важно, чтобы их мамы иногда находили время для себя.

– Я понимаю... вы совершенно правы. Может, в следующий раз. День будет занятой, и я не хочу доставлять неприятности тем, на кого работаю.

– А где вы работаете? – спросила маленькая Лиз.

– В компании «Стивенс и сыновья» в Розуэлле. Менеджер по маркетингу.

Повисла тишина, потом одна из неразличимых женщин в теннисных кепках спросила:

– В ювелирном магазине? Том, который Ашер² рекламирует?

– Да, он снял тут несколько реклам, он же местный. Очень милый парень.

– Такой секси, – добавила еще одна женщина и тут же закрыла рот рукой, будто слова вырвались против ее желания.

---

² Американский певец, автор песен, танцор и актер. Один из самых коммерчески успешных R&B-музыкантов афроамериканского происхождения.

Мэрили помахала листком бумаги.

– Я сегодня заполню и завтра передам через Лили. А в субботу принесу десерт.

Все улыбнулись, помахали на прощание, и Мэрили пошла к машине, но внезапно вспомнила кое-что еще.

– А можно привести на вечеринку сына? Боюсь, за ним некому будет приглядеть.

Хизер широко улыбнулась:

– Конечно! Братьям и сестрам на моих вечеринках всегда рады. Места всем хватит.

– Отлично. Еще раз спасибо.

Попрощавшись, Мэрили села в минивэн, набрала номер родителей. Блютуз-гарнитура осталась в другой машине, и она чувствовала себя пещерным человеком, проезжая мимо других мамочек и улыбаясь, не имея возможности помахать, потому что обе руки были заняты.

С девятой попытки она наконец дозвонилась. У родителей был только городской телефон – они считали смартфоны мимолетным повальным увлечением последних десяти лет.

– Мама, привет, это Мэрили.

– Я знаю. Только ты одна и можешь позвонить в такую рань.

Мэрили глубоко вздохнула, взглянула на розовый подарочный пакет и захотела заглянуть туда раньше, чем приедет на парковку.

– Я тебя разбудила?

– Нет, конечно. Я всегда рано встаю. Просто не настроена на разговоры в такое время.

– Прости. Я ненадолго. Помнишь, когда я была маленькой, ты пекла такие чудесные кексы с арахисовым маслом, и мы брали их с собой в Тайби?³ Лили идет на вечеринку, и я хотела, чтобы ты...

– Нет. И ты знаешь, почему. Я сильно и неприятно удивлена, что ты вообще об этом спрашиваешь.

Мэрили вспомнила курсы для будущих мам, где учили правильно дышать, и несколько раз вдохнула и выдохнула, чтобы голова перестала кружиться.

– Мама, ради всего святого, это только кексы. Они такие чудесные. И это было так давно...

– Поздравляю, у меня разболелась голова. Спасибо, Мэрили, что напомнила про Тайби и всю эту мерзость.

– Почему мерзость, мама? Было много хорошего, и я надеюсь, ты вспомнишь...

Она услышала шуршание, а потом голос отца:

– Мэрили? Как не стыдно, у мамы из-за тебя разболелась голова. Я надеюсь, вы не развод обсуждали? Ты знаешь, как ее это задевает. Думаю, нам лучше подождать, пока ты успокоишься и сможешь говорить о чем-то другом. До скорого, Мэрили. Созвонимся.

Мэрили бросила трубку прежде, чем услышала гудок. Выехала на обочину – руки тряслись, и она не доверила бы им крутить руль. Еще несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, вспомнила о пакете, и это ненадолго отвлекло. Открыв как можно аккуратнее, чтобы Лили ни о чем не догадалась, заглянула внутрь.

Она ожидала увидеть в пакете бутылочку мыльных пузырей и пачку чипсов или печенья, но вместо того вытянула черно-белую подарочную карту «Сефоры»⁴ на двадцать долларов. Мэрили захотелось позвонить какой-нибудь подруге и обсудить, очень ли подходит этот сюрприз для десятилетней девочки и не нужно ли купить что-нибудь в подарок Колину на случай, если представительница его родительского комитета не окажется столь же щедрой. А потом осознала, что всех своих старых друзей оставила в той жизни, где у нее были муж и дом.

---

³ Прибрежный курортный город в Джорджии.

⁴ Сеть парфюмерно-косметических магазинов.

Не то чтобы у нее были по-настоящему близкие друзья со времен школы или колледжа. Эти остались далеко позади вместе с родным городом и старыми воспоминаниями. Она всегда слишком много работала и поэтому не смогла подружиться с мамами других детей. Она работала не потому, что не хватало денег, а потому что не хотела зависеть от мужа, как ее мать от отца. Но, как не раз подчеркивала ее мать, вот до чего довела эта независимость.

Она глубоко вдохнула, содрогнувшись всем телом, почувствовала, что дрожь в пальцах отступает, перевела взгляд на пол под пассажирским сиденьем, где стояла маленькая коробочка со старыми картами – очевидно, она забыла ее здесь, когда разгружала вещи. Взяла ее, поставила себе на колени и ощутила желание достать любую карту и отправиться по ней в неизвестном направлении. Этого она, конечно, сделать не могла, ведь у нее были Лили и Колин – лучшее, что подарила ей жизнь, – и сильное подозрение, что она нужна им не меньше, чем они ей.

Но, снова выезжая на проезжую часть, она по-прежнему держала на коленях коробку с картами, напомиравшую ей – ничто не остается прежним, и не важно, замечаем мы это или нет.

Глава 3

Душка

Прищурившись, Душка посмотрела на свое отражение в зеркале над обеденным столом, аккуратно нанесла помаду. Вплоть до того самого дня, когда решила больше не вставать с кровати, мать Душки приводила себя в порядок перед этим самым зеркалом каждый раз, прежде чем выйти из дома. Астрид всегда напевала себе под нос, даже когда красила губы. Печальные песнопения, как говорил папа, – мелодии всегда были грустными. Он произносил эти слова как обвинение и смотрел на маму так, словно ожидал извинений. Воспоминание ожгло, как пощечина, рука Душки задрожала, и пришлось ее опустить. Ей всегда казалось, со временем воспоминания выцветают. Потом она поняла – только хорошие. Плохие становятся все острее – они словно лезвие ножа, прижатое к коже, готовое резануть, если начнешь вглядываться слишком пристально.

Душка надолго закрыла глаза, и ей показалось, она слышит рев мулов в полях, чувствует запах дорожной пыли, летящей из-под обитых железом колес повозки с сеном. До ее слуха снова донесся звон разбитого стекла среди сонной тишины, шлепанье босых маминых ног по полу. Резко выкрикнутое имя.

Эхо прошлого – как тень, которая остается еще долго после того, как скроется солнце. Душка раскрыла глаза, стараясь сосредоточиться на своем отражении. Хлопковые поля не пахивали уже целую вечность, мулы умерли давным-давно. Астрид ушла в лучший мир больше шестидесяти лет назад. Душка подалась вперед, часто моргая, устала взгляд сквозь очки в старое зеркало. Женщина, глядевшая оттуда, – не она. Ее волосы не могли так поседеть, кожа – так сморщиться. Астрид говорила – у Душки такой сильный характер, что она никогда не изменит своей позиции. Может быть, время где-то прячется и тайно сматывает нить, отделяющую нас от незнакомого лица в зеркале. Она взглянула на блюдо с кексами, стоявшее на обеденном столе, задумалась, зачем испекла их и почему. В юности она всегда была ужасной сладкоежкой. Но, забрав золотистые волосы и способность видеть в ночи, время изменило и вкусовые привычки. Это обескураживало. Это было несправедливо – дожив до возраста, в котором не нужно больше беспокоиться о фигуре, она вдруг разлюбила сладкое. Если можно было бы как-нибудь связаться с Небесной канцелярией, она потребовала бы объяснений.

Бессонница была еще одной шуткой Отца Времени над стариками. Уже много лет назад она просыпалась в три утра и читала Библию, или новейший роман Харлана Кобена, или еще какой-нибудь триллер, который видела в числе новинок библиотеки Милтона. Но вчера она вместо этого взялась печь кексы. Хотя она решила не иметь ничего общего с новыми жильцами, ее мысли все-таки крутились вокруг молодой разведенной женщины и двоих ее детей. В Мэрили Данлап было что-то родное, некие печаль и страх, и развод был здесь ни при чем. Многие люди, глядя на нее, упустили бы из вида эту особенность, но у Душки был большой опыт, и она видела людей, особенно запуганных.

Теперь у нее было три дюжины шоколадных кексов, разложенных на блюде под полиэтиленовой пленкой, которых ей не хотелось; пережив Великую депрессию, она привыкла не выбрасывать ничего, каким бы ненужным и бесполезным оно ни было. Она видела, как минивэн Мэрили час назад, грохоча, пронесся по подъездной дорожке, и просчитала, что они, скорее всего, уже поужинали и ей не придется неловко отказываться от предложения составить им компанию. Тяжело вздохнув, Душка взяла блюдо и вышла из дома.

Бедро болело, когда она осторожно спустилась по ступенькам, вышла на аллею, отделявшую ее дом от коттеджа Мэрили. Уилла Фэй называла мучения Душки «приветом от Арта Рита», но смешное название не помогало унять боль. Немного помогало движение, но первый шаг вынуждал думать, что было бы намного легче сидеть в инвалидном кресле, и пусть другие толкают. Однако потом – то ли потому, что Уилла Фэй выпало на долю такое существование, то ли потому, что Душка выросла вместе с четырьмя братьями, – ей сразу же расхотелось, чтобы ее целый день толкали туда-сюда.

Приблизившись, Душка увидела, как из окон коттеджа льются яркие лучи, рисуя лужицы света на полу крыльца – какая трата электричества, притом что стемнеет еще только через полтора часа. Запах букового дерева отвлек Душку от размышлений о причудах Мэрили. Он всегда напоминал ей о Томе и о том недолгом времени, что они были вместе, – острый запах маленьких, сияющих листьев, переносивший в те дни, которых она не могла забыть.

Стараясь не думать, как Том на руках переносил ее через это крыльцо, она с трудом взобралась по ступеням и как следует отдышалась, прежде чем постучать. Сквозь ширму лился теплый свет летнего вечера. Не то чтобы Душка удивилась, но из кухни не пахло ужином. Она собралась постучать снова, но опустила взгляд и заметила маленькую куколку, частично провалившуюся между досками пола. Ее невидящее лицо смотрело на Душку.

Почему-то она замерла. То ли широкие, лишённые всякого выражения глаза, то ли аккуратно выведенная улыбка – что-то вызвало у Душки жалость. Поставив тарелку с кексами на стул на крыльце, Душка поняла, что фигурка напоминает ей Мэрили. Не обращая внимания на здравый смысл, упорно твердивший, что колени могут согнуться и не разогнуться, она потянулась к фигурке.

Она стояла, скрючившись на крыльце, когда дверь распахнулась и маленький мальчик, Колин, вышел и посмотрел на нее так, будто ее присутствие здесь было абсолютно закономерным.

– Я почувал запах печенья.

– Это кексы. Можешь взять один, если сможешь мне подняться. Мои ноги, кажется, забыли, как стоять.

Колин опустился на четвереньки, изобразив что-то вроде скамейки.

– Поставьте ладони мне на спину, я медленно встану, и вы со мной вместе.

Она сделала, как он сказал, неуверенная, что такая тактика сработает, пока ноги внезапно не распрямились.

– Ты очень умный мальчик, Колин. Надеюсь, ты хочешь стать инженером, когда вырастешь.

Он широко улыбнулся, показав место недостающего нижнего переднего зуба.

– Мама тоже так говорит. Но я пока не знаю. Я хочу водить грузовик с мороженым и есть столько мороженого, сколько захочу. Или людей хоронить, как папин брат, дядя Стивен. Он такой смешной!

– Твой дядя Стивен?

– Ага. Он у нас гробовщик. Он катает нас с Лили в длинной черной машине, когда мы приходим в гости к ним с тетей Шоной, только ей нельзя про это рассказывать. У него на заднем сиденье полно газировки и мятных конфет, и можно брать сколько хочешь.

Лицо Душки скривилось от боли в коленях и этого увлекательного рассказа. За девяносто три года ей довелось встретить немало гробовщиков, и среди них не было ни одного смешного. Она могла лишь надеяться, что длинная черная машина, о которой говорит Колин, – лимузин.

– Благодарю вас, молодой человек. – Она потеряла колени и с трудом разогнула спину. Трижды в неделю она занималась йогой в местном клубе – таковы были условия сделки, которую заключил ее брат, когда продавал землю, где построили клуб. Конечно, она создавала

клубу не самую лучшую репутацию, но ей было плевать. Раз это бесплатно, она будет туда ходить, пока не скопытится.

Колин посмотрел на фигурку у нее в руке.

– Это из лего дяди Дэвида? Мама прячет их в тумбочке.

Душка удержалась и не спросила, как он о них узнал, если мама их прячет. Она не особенно хорошо умела разговаривать с детьми, поскольку имела небольшой опыт, но Колина, судя по всему, это не смущало.

– Не знаю, я просто ее здесь нашла. – Она шагнула назад, желая удостовериться, что колени ее слушаются, подняла с пола блюдо с кексами, решив отдать его Колину и уйти.

– Мой дядя умер, когда был совсем маленький. Можно мне кексик?

Дверь приоткрылась. В проеме стояла усталая Мэрили. В оранжевых лучах уходящего солнца ее волосы казались нимбом.

– Ой, простите. Я не слышала, как вы стучали. – Она распахнула дверь пошире. – Колин, ты, кажется, делал уроки.

– Я не мог сосредоточиться. Я был такой голодный, и вдруг запахло кексами! Смотри, что принесла тетя Душка! – Он взволнованно указал на блюдо. – Можно мне один? Я умру от голода, пока несут пиццу!

– Ты не умрешь от голода, Колин. – Мэрили посмотрела на Душку и чуть заметно покраснела. – У меня был трудный день на работе, и мы еще не все вещи распаковали. Нет сил готовить... – Она жестом пригласила Душку войти, и та разрешила провести ее в маленькую гостиную. Ей не хотелось в дом, но мальчик и его мама, как ураган, затащили ее туда.

– Но это же овощная пицца, мам. Можно есть ее хоть каждый день.

– Хватит, Колин. Иди в кухню и садись за уроки.

– Но...

Мэрили так на него посмотрела, что он тут же повернулся и побежал в кухню, громко шлепая ногами по полу.

Душка напредила себе не поджимать губы – мать всегда говорила, что от этого появятся складки и она будет похожа на папайю, слишком долго пролежавшую на земле. Она все еще старалась придумать причину, чтобы уйти, но тут Мэрили заметила у нее в руке куколку.

– Где вы это нашли?

– На крыльце.

Мэрили осторожно взяла фигурку, крепко сжала пальцами и несколько раз быстро сморгнула.

– Я думала, что потеряла ее.

Душка ждала, когда Мэрили скажет что-нибудь еще, может быть о брате. Много лет назад она вывела бы собеседницу на этот разговор, как врач, мягко нащупала бы болезненное место. Так делали все женщины в ее семье, так делали все жители Юга, если уж на то пошло. Но теперь Душка этого не сделала – потому что знала, что значит быть жертвой таких вопросов.

– Кексы пахнут очень вкусно. Интересно, как Колин их учуял сквозь пленку и дверь? Думаю, в прошлой жизни этот мальчик был ищейкой.

Душка вежливо улыбнулась, глядя, как молодая женщина кладет игрушку в карман юбки, которая велика ей на размер. Как бы желая избежать дальнейших расспросов, Мэрили продолжала свое:

– В эти выходные мне нужно приготовить десерт для школьной вечеринки. Я не умею ничего, кроме самых простых блюд, но если кексы испечь не очень сложно, может, вы расскажете мне как? Хотела поискать рецепты в Интернете, но у нас проблемы со связью. Ваш друг Уэйд обещал прийти. Я надеюсь, долго ждать не придется, потому что Лили без вайфая впадет в депрессию.

Душка ничего не ответила, и Мэрили решила пояснить:

– Вайфай – это сеть, она нужна, чтобы войти в Интернет.

– Я слышала об этом, – ответила Душка, позволяя увлечь ее в кухню, где Колин сидел за столом перед раскрытой тетрадкой, а Лили, застыв у большого ноутбука, безвольно уронила голову на руки. Душка поставила блюдо с кексами на стол.

– Уверена, Уэйд все починит. Он может что угодно – разве что не в силах убедить меня продать этот дом. – Она не знала, почему у нее вырвались эти слова. Если только от большой любви к Уэйду. Она любила его со всей силой, на какую была способна. Будто он был ее родной плотью и кровью.

Лили подняла на нее глаза, полные надежды. Хмурая складка между бровей так и не разгладилась.

– Правда? Потому что, если не зарегистрируюсь, мне срежут баллы.

– Лили, это не конец света, – сказала ей мать. – Уверена, учитель тебя поймет. А может, ты позвонишь этой девочке из класса, Бейли Блэкфорд? Ее мама состоит в комитете. Номер их телефона – на бумажке, которая висит на холодильнике.

Складка стала еще резче.

– Это их домашний номер. Мобильного Бейли у меня нет.

Душка поймала сконфуженный взгляд Мэрили, прежде чем молодая женщина вновь повернулась к дочери.

– Уверена, тот, кто подойдет к телефону, позовет Бейли.

Лицо девочки озарила вспышка надежды. Поднявшись со стула, она сорвала с холодильника листок и пулей унеслась в комнату. Мэрили устало улыбнулась.

– Поужинаете с нами?

Душка снова едва не поджала губы, но вовремя остановилась.

– Нет, спасибо. Я уже поела. – Не успев вовремя закрыть рот, она добавила: – У меня выросло столько помидоров и окры⁵, что я одна не съем. Хотите, принесу вам.

– Это так мило с вашей стороны! Спасибо. Помидоры пригодятся детям на сэндвичи и мне на салаты, но вот что делать с окрой – ума не приложу.

На этот раз Душка не смогла удержаться и все-таки поджала губы. Где еще они видят овощи, кроме как в пище?

– Может, я зайду в пятницу? Вместе испечем печенье – у меня есть такой простой рецепт, что даже вы справитесь, – а потом покажу, как готовить окру. Принесу и сэндвичи с помидорами – я беру белый хлеб «Вандер», дюкановский майонез и свои помидоры. Каждый день их ем, с самого детства, так что, как видите, жизнь они не сокращают. Но если вздумаете класть мои помидоры на другой хлеб, ни одного не получите.

– А в вашем детстве было электричество? – поинтересовался Колин, качая ногами под столом. С его подбородка сыпались крошки кекса, который мать вряд ли разрешила съесть. Мэрили не успела подобрать слова, чтобы ответить на Душкин ультиматум.

– Колин! – выпалила она.

– Да, – ответила Душка, – электричество у нас было. И водопровод тоже. Это редкость. Ни у кого из моих друзей, например, не было ванной. Но моя мама родом из Саванны, выросла в большом доме со всеми удобствами. Так что отцу пришлось потрудиться, чтобы обеспечить ее всем необходимым.

Дыхание перехватило, будто воспоминания о матери сжали ей горло и медленно сдавливали. Она обернулась и посмотрела в окно, ведущее в лес, едва ли не ожидая увидеть призраки прошлого.

Услышав звук машины, Колин спрыгнул со стула.

---

⁵ Однолетнее травянистое растение, по вкусу нечто среднее между кабачками и стручковой фасолью.

– Наконец-то! – завопил он, рассыпав по всей кухне фонтан крошек. – Я думал, умру от голода!

– Колин! Не открывай дверь незнакомцам...

Слова Мэрили заглушил скрип открывающейся двери и знакомый голос. Душка вслед за Колином подошла к двери, разглядев силуэт высокого широкоплечего внука Уиллы Фэй, Уэйда Кимбалла.

– Думаю, это тебе, – сказал он, вручая Колину большую квадратную коробку, пахнущую чесноком и кетчупом. Колин, радостно вопя, прижал к себе коробку и унесся обратно в кухню. Стук его шагов по деревянному полу привлек внимание Душки к тому факту, что он ходит в обуви. По дому. Она вновь поджала губы, на сей раз намеренно, чтобы не вырвались слова, о которых она впоследствии могла пожалеть.

– Душка! – воскликнул Уэйд, сжимая ее в медвежьих объятиях только потому, что знал – она терпеть не может такого обращения. И потому, что знал – он единственный, кому такое обращение сойдет с рук.

– Грабить старых дам уже не так выгодно? Теперь ты доставщик пиццы? – пробормотала она ему в рубашку. Услышав, как в его груди вскипает смех, она с трудом сдержала улыбку. Даже в детстве у него был такой громкий, гортанный смех, что люди слетались к нему, как мухи к корове, желая согреться его теплом.

– Я тоже рад тебя видеть, Душка. Ты все такая же лапочка?

Она оттолкнула его, сделав вид, будто он ее раздражает.

– Встретил разносчика пиццы. Бедный парень катался взад-вперед в поисках подъездной дорожки, и я решил избавить его от страданий, – он перевел взгляд на Мэрили. – Надеюсь, это ваша пицца? Если нет, значит, я кого-то лишил обеда.

– Это наша. Спасибо. Сколько я вам должна?

Он наконец выпустил Душку из объятий, чтобы отмахнуться.

– Считайте, я вам принес гостинец. После него к тому же и посуду не придется мыть и возвращать. – Он шагнул вперед и протянул руку: – Я Уэйд Кимбалл – мы с вами общались по телефону. Пришел проверить ваш роутер.

Мэрили пожала его руку, не улыбувшись, не покраснев, как все женщины, видевшие Уэйда в первый раз. Он не мог этого не заметить, и его запал быстро иссяк. Перестав пытаться произвести впечатление, он просто посмотрел на нее, чуть наклонив голову.

– Мы с вами раньше не встречались?

– Нет, – быстро ответила Мэрили. – Возможно, виделись в гастрономе. Я живу в Свит-Эппле уже шесть лет.

Он ненадолго задумался:

– Нет, вряд ли в гастрономе. Откуда вы родом?

Мэрили молчала очень долго, и Душка уж было решила, что из нее клещами не вытянуть ответ, но наконец сказала:

– Из Сандерсвилля. Это на юге Джорджии.

Он выпрямился, и его губы растянулись в улыбку.

– Ах вот оно что! Я лет десять жил в Огасте, перебрался туда сразу после колледжа. Работал проектировщиком. У моего приятеля жили в Сандерсвилле дед с бабкой, и мы туда мотались время от времени, помогали им что-нибудь чинить. Милые старички. Вы, может, их знаете, город-то маленький совсем. Не могу вспомнить их фамилию...

– Лили! – громко позвала Мэрили, в чем совершенно не было необходимости – пока они с Уэйдом разговаривали, девочка вышла из комнаты и встала рядом с матерью. – Мистер Кимбалл пришел посмотреть роутер.

Лили коснулась ее локтя:

– Я здесь, мамочка.

Мэрили с облегчением взглянула на нее.

– Отлично. Тогда, может, покажешь мистеру Кимбаллу, где тут роутер, а я пока разогрею пиццу? Если, конечно, Колин нам что-нибудь оставил.

Пригнувшись, она пошла в кухню, но остановилась в дверном проеме, когда Уэйд позвал ее по имени. Она взглянула на него – выражение ее лица было как у героини мыльной оперы, которая ждет, когда врач сообщит ей диагноз.

– Вест. Уильям и Шэрон Вест. Знаете таких?

Выдержав почти незаметную паузу, она покачала головой.

– Нет. Кажется, нет.

И тут же исчезла в кухне. Уэйд долго смотрел ей вслед.

– Я точно где-то ее видел. Постараюсь вспомнить. У нее такое лицо... такие не забываются.

Душка нахмурилась:

– Еще тебя тут только и не хватало. Думаю, у нее без того полно неприятностей.

Уэйд повернулся к ней и улыбнулся:

– Только не говори, что к старости стала сентиментальной. Давно ты интересуешься жизнью постояльцев?

Она чуть было не сказала, что ничем таким не интересуется, но осознала, что не только явилась к ним в дом, но и принесла кексы – похоже, он догадался. Ее злило, что она оказалась не в силах противиться нелепому влечению, затащившему ее сюда, и оттого что Уэйд ее здесь увидел, она рассердилась еще больше.

– Я устала, – сказала она. – Пойду домой. Сумку с помидорами оставлю у себя на крыльце – будешь уезжать, заберешь. – Она поднялась на цыпочки и небрежно чмокнула его в щеку.

– Может, тебя подбросить?

Она подняла руку, продемонстрировав черный антистатический браслет, явно созданный для того, чтобы украсть ее душу. Этот браслет Уэйд подарил ей на прошлое Рождество, невзирая на ее откровенную неприязнь к современным технологиям. Вся информация отображалась прямо на экране. Уэйд постоянно говорил, сколько всего она смогла бы, научившись как следует пользоваться браслетом, но она уже и так знала все, что считала нужным знать. Каждый вечер перед сном она должна была ходить по дому, пока не высветится нужное количество шагов, как бы ни устала и как бы сильно ни болело бедро. Издевательство, чистое издевательство.

– Мне нужно пройти еще немного. Но если встретишь меня, когда пойдешь обратно, так и быть, разрешу подвезти.

Лили, едва не подпрыгивавшая от нетерпения, желая поскорее узнать, что же там с роутером, вдруг замерла, словно задумавшись, шутит Душка или говорит серьезно.

– Надеюсь, я тебя не задавлю. – Он подмигнул. – И спасибо за помидоры.

Складка между бровей девочки стала глубже. Уэйд открыл Душке дверь. Пожилая женщина, дотронувшись до его руки, тихо сказала:

– Не копай там, где не следует. У всех людей свои тайны. И почти всегда лучше, чтобы они оставались тайнами. Ничего хорошего не выйдет, если тыкать в яму палкой. Может, вылезет садовый уж, а может, и гадюка.

Он сузил глаза:

– Как тогда ты узнаешь чужие секреты?

Осторожно ступая, она вышла на крыльцо.

– Хорошего вечера, Уэйд. Не забудь помидоры.

В сумерках спустилась по ступенькам, сошла по подъездной дорожке, чувствуя на себе его взгляд, и наконец услышала скрип закрывающейся двери.

Глава 4

Правила игры

Наблюдения о пригородной жизни в Свит-Эппле, штат Джорджия

Автор: Ваша Соседка

Пост № 2: Где генерал Шерман⁶, когда он так нужен?

Вчера я видела цыплятника (примечание для тех моих соседей, кто родом не отсюда: это краснохвостый сарыч). Я не видела их много лет, с тех пор как Свит-Эппл начали застраивать. Стук молотков и постоянный грохот землеройных машин и меня-то способны оглушить, что уж говорить о цыплятнике.

Я услышала его резкий крик, стоя в пробке позади длинного ряда внедорожников, застывших перед зданием начальной школы (неужели у нас не хватает автобусов? Не понимаю, почему в час пик на дорогах столько машин!), и открыла окно как раз вовремя, чтобы увидеть, как большая птица камнем падает вниз и хватается маленького бурого зайчонка, невинно жуящего травку у обочины.

Молодая мама за рулем кроссовера уронила мобильник, резко наклонившись и закрыв рукой глаза маленькому сыну, сидевшему рядом. Я хотела сказать ей – пусть смотрит! Такова природа, жизненный цикл и все прочее. К тому же это куда безопаснее того, что он наверняка каждый день видит в Интернете.

Я любовалась гордым профилем птицы и ярким окрасом хвостовых перьев, когда она взмывала вверх со своей добычей; я не сводила с нее глаз, пока она не угодила прямоком под колеса грузовика, выехавшего на перекресток навстречу машинам. Птица уронила зайца, которому хватило быстроты реакции, чтобы унести прочь, и осталась лежать посреди дороги, как распятая жертва, в безмолвной молитве подняв кверху когтистые лапы.

Женщина, выпрыгнув из «Лексуса» с откидным верхом, громко закричала в телефон что-то неразборчивое – может, вызывала службу спасения; а молодой человек в комбинезоне и кепке с логотипом «Джон Дир»⁷ выбрался из грузовика с прицепом и начал подкрадываться к птице – не знаю, может, сожрать ее хотел. Грузовик тем временем поехал дальше. Мне хотелось посмотреть, кто выиграет в этой битве, но женщина в кроссовере за моей спиной принялась сигналить изо всех сил, и, судя по всему, большой латте со сливками из «Старбакса» был для нее гораздо важнее, чем для меня – результат поединка, так что я рванула вперед.

Тогда-то я и заметила, что коровье пастбище на углу лишилось коров и посреди пустого поля виднеется экскаватор, а рядом торчит знак, надпись на котором сообщает об открытии нового теннисного клуба с бассейном. Думаю, я предпочла бы коров. Они не выезжают на наши дороги, не отправляют своих детей в наши школы, без того переполненные. Кстати, если уж говорить о грузовиках, – в последние месяцы на улицах Свит-Эппла их все больше, потому что все больше семей норовит перебраться в новые дома до того, как начнется учеба. По соседству от меня въехала семья из Пенсильвании, из Питтсбурга, и притащила с собой впечатляющий ассортимент лопат и прочей снегоуборочной техники. Мой друг сказал, что они слышаны о

---

⁶ Уильям Текумсе Шерман (1820–1891) – один из наиболее талантливых генералов Гражданской войны, воевал на стороне Севера.

⁷ Американская машиностроительная компания.

снежной буре в Атланте несколько лет назад и хотели получше подготовиться. Надеюсь, кто-нибудь уже сообщил им, к чему на самом деле следовало готовиться: к тому, что эти лопаты будут собирать пыль еще лет десять.

Еще одна новоявленная резидентка приехала из Калифорнии, из Фуллертона, и на занятии пилатесом поделилась, как она рада перебраться на настоящий Юг. Солнышко, Атланта – это не настоящий Юг. Это сборная солянка из жителей всего мира, которые поселились в домах, построенных в последние двадцать лет. Если хочешь увидеть настоящий Юг, посмотри «Шофера мисс Дэйзи» или «Стальные магнолии», а еще лучше – поезжай в Рейбан, где снимали «Избавление» с Бартом Рейнольдсом. Если услышишь банджо, продолжай путь.

Недавно я встретила еще одну новенькую – молодую разведенку с двумя детьми. Она жила здесь и раньше, но перебралась из одного района в другой – я так подозреваю, чтобы сменить обстановку. Детей она записала в частную академию (надеюсь, вы догадаетесь, в какую), и, судя по тому, что я слышала от здешних мам, будет интересно – новенькая совершенно не поддается чужому влиянию и не разделяет принятой здесь политики воспитания детей. Но сейчас лишь первая неделя учебы, а за девять месяцев учебного года всякое может случиться. Достаточно времени для сюрпризов. Достаточно времени для всевозможных событий. Этот блог несколько запаздывает, как вы уже поняли, из-за перебоев с энергоснабжением – за это спасибо нашим замечательным летним грозам. Я открыла все окна и положила полотенца на подоконники, чтобы почувствовать запах дождя и вдохнуть бриз, пахнувший летними ночами. Я сидела на крыльце и смотрела на яркие зигзаги в небе, прежде чем мир погрузился в абсолютную тьму, пахнущую озоном и дымом от горячей земли и подстриженной травы; я наслаждалась запахом мокрой красной глины.

Гроза принесла с собой так много воспоминаний из детства, что мне захотелось, чтобы разряды электричества задержались подольше. Я ждала до тех пор, пока она не закончилась и на небе не показались облака и звезды. А потом электричество зажглось в соседних домах, наполнив небо, улицы и дворы светом, в котором уже нельзя было разглядеть звезд.

Мэрили

Мэрили уже натянула футболку и шорты и теперь вешала платье, в котором ходила на работу, но тут в дверь постучала Душка – раньше, чем ожидалось. Она услышала, как Колин несет к двери, подарив ей несколько лишних минут, за которые она успеет аккуратно повесить платье, так чтобы оно не помялось. Она случайно положила утюг в коробку с вещами Майкла и не собиралась просить его у мужа. Однако покупать новый она не торопилась, зная – как только она его купит, Майкл тут же притащит ей старый, потому что Тэмми Гарви, скорее всего, понятия не имеет, что такое утюг, и посылает в прачечную рубашки Майкла и все остальное, что может помяться. В том числе шелковое белье, которое наверняка носит – во всяком случае, так представляла Мэрили.

Она помчалась в прихожую, слишком поздно поняв, что на ней нет обуви. Летом она часто ходила по дому босиком, но Душка Прескотт одним своим видом давала ей понять – взрослые люди должны носить домашнюю обувь. Мэрили уже собиралась пойти обратно и надеть тапочки, но тут ей навстречу выбежал Колин.

– Мам! Тетя Душка пришла!

Мэрили задумалась – интересно, сколько пройдет времени, прежде чем дети осознают, насколько их домовладелице не подходит ее прозвище. Старушка стояла в коридоре с двумя сумками из «Крёгера» в руках. Мэрили забрала у нее сумки, краем глаза заметив на ее руке фитнес-браслет. Взглянула еще раз, просто чтобы удостовериться. Черт возьми, эта женщина не знает, что такое вайфай. Зачем ей фитнес-браслет?

Мэрили улыбнулась:

– Я не слышала, как вы подъехали, а то бы помогла занести сумки.

– Я шла пешком, – ответила она и нахмурилась. А потом, видимо, заметив смущение Мэрилы, добавила: – Я старая, а не мертвая. Немного нарузок мне не помешает, если верить врачу, – правда, его явно в детстве мул лягнул прямо в лоб. – Она направилась на кухню, будто была у себя дома; Мэрилы тут же осознала, что так оно и есть. Лили, не отрываясь от ноутбука, улыбнулась Душке. Желая объясниться, будто мнение Душки о том, как она воспитывает детей, имело значение, Мэрилы сказала:

– Она проверяет «Фейсбук» и другие соцсети. Я разрешаю ей заходить туда, но только под моим присмотром.

Душка сухо посмотрела на нее.

– Ах да, простите. Соцсети – такой способ молодежи общаться.

– Все равно что разговор, но без необходимости куда-то тащиться. – Не дожидаясь ответа, Душка принялась выгружать пакеты, кое-что сунула в холодильник: сэндвичи из белого хлеба, разрезанные по диагонали наполовину и обернутые пищевой пленкой, и несколько крупных темно-красных помидоров, при виде которых рот Мэрилы наполнился слюной. Большой прозрачный пакет с окрой Душка вывалила в раковину и многозначительно посмотрела на Лили.

– В мое время у детей не было времени на соцсети. Хватало и других занятий.

Мэрилы вспыхнула, будто ее отругали, и повернулась к дочери:

– Лили, будь добра, помой окру.

Лили посмотрела на нее, как пленница пиратов, которую вот-вот сбросят в море.

– Но мне можно посидеть за ноутбуком еще полчаса. Ты сама сказала!

Мэрилы постаралась говорить как можно спокойнее, не забывая, что Душка все слышит:

– Посидишь, когда закончишь с окрой. Это займет всего несколько минут.

Тяжело вздохнув, Лили поднялась со стула и поплелась к раковине, будто на ногах у нее были кандалы. Мэрилы сдержалась и ничего больше не сказала, опасаясь новой критики со стороны Душки и запоздало жалея о своем решении просить ее о помощи. Впрочем, другого выхода у нее не было – разве что отправиться в супермаркет, но если бы она решила выдать магазинное печенье за свое, другие мамы сразу бы догадались, что оно из магазина, а в Виндвудской академии *так не делают*.

Бейли Блэкфорд через Лили передала Мэрилы толику мудрости своей матери, и Мэрилы была ей даже благодарна. Тот факт, что ее дети из неполной семьи – во всей школе было только два таких случая! – уже сам по себе чудовищен. Осознав это не без помощи Бейли, Мэрилы поняла, что не принесет на вечеринку магазинное печенье, чтобы никто не посмел высмеивать или жалеть ее дочь из неполной семьи. Пусть уж лучше бесцеремонная Душка Прескотт торчит у нее в кухне и с нуля учит печь.

Душка уже рылась в шкафах, что не могло не раздражать Мэрилы. В доме был чистый, работающий, но старый кухонный инвентарь – отсюда следовал вывод, что Душка умеет обращаться с ним лучше, чем Мэрилы. Но все равно формально эта кухня принадлежала Мэрилы – пусть даже она пользовалась лишь столовыми приборами, чашками, тарелками, холодильником, духовкой и микроволновкой.

Краем глаза уловив движение, она посмотрела в окно и увидела Колина, бегущего в направлении леса. Быстро открыв защелку, она распахнула окно и крикнула:

– Колин, стой! Куда это ты собрался?

Он резко остановился и посмотрел на мать, и она едва не умерла со стыда, увидев, что на нем нет ботинок – только белые носки, – а школьная рубашка выбилась из брюк и покрыта пятнами непонятно чего.

– Я увидел, что в лес бежит собака, и хотел поймать. Мне кажется, она потерялась.

– Я просила тебя не трогать животных – у них может быть бешенство. И ты знаешь, что в лес ходить нельзя. Иди сюда. Забыл, что нельзя заходить дальше качелей?

Он в последний раз посмотрел на лес, повернулся и побрел домой.

– Хорошо, мам. А если я поймаю собаку, можно ее оставить?

Мэрили удержалась и не сказала «нет», хотя именно это и хотела сказать. Если верить Лили и Колину, они были единственными детьми во всей мировой истории, которым не разрешали завести собаку. Раньше они ее не заводили, потому что у Майкла была аллергия, но сейчас единственным оправданием Мэрили стала слишком сильная усталость, не позволявшая добавлять себе новые проблемы. Но она знала – это оправдание не примет всерьез никто моложе одиннадцати лет. Поэтому она ответила:

– Посмотрим, – и закрыла окно.

Душка продолжала лазить по шкафам, делая вид, что не услышала этого диалога.

– Разогрейте духовку. Уверена, противень для выпечки лежит в ящике под ней.

Мэрили застыла перед духовкой цвета авокадо, пытаясь разобраться, какую ручку куда крутить.

– Какую температуру выставить?

Душка оторвалась от своего занятия:

– Нормальную температуру, для выпечки, разумеется. Ваша мама, что, не учила вас готовить?

Мэрили сосредоточила все свое внимание на безукоризненно чистой духовке, чистой не потому, что ею редко пользовались, но, скорее всего, потому что Душка была экспертом по части чистоты. И выпечки.

– Нет. Она хорошо готовила, но ей не нравилось, когда я мешаюсь ей на кухне. Она говорила, я путаюсь у нее под ногами. А потом... потом она просто перестала готовить. Тогда я научилась поливать спагетти соусом из банки и включать микроволновку.

Когда Душка ничего не ответила, Мэрили посмотрела туда, где она скрючилась возле шкафа. Взгляд старой женщины был направлен на нее, а губы решительно сжаты – очевидно, их разговор был здесь ни при чем.

– Вам помочь? – спросила Мэрили. Душка молча кивнула, и Мэрили помогла ей подняться на ноги.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста, – ответила Мэрили. – Но знаете, будет проще, если вы просто скажете мне, что вам нужно.

– Я сомневалась, известно ли вам, что такое миски для смешивания. – Она крепко сжала губы, но на секунду Мэрили показалось, будто на них вот-вот мелькнет улыбка. – Триста пятьдесят градусов, – сказала Душка, указывая на духовку. – По крайней мере, сегодня научитесь печь печенье и жарить окру. Чтобы девушка с Юга не умела таких вещей... да это просто противозаконно! Все равно что шину не уметь поменять.

Лили, по-прежнему возясь с окрой, обеспокоенно посмотрела на мать.

– Противозаконно? Нас за это могут посадить в тюрьму?

– Нет, солнышко, – пояснила Мэрили. – Это образное выражение. Но Душка права – женщине нужно многое уметь.

– Чтобы, если от нее уйдет муж, она могла сама вешать картины и все такое прочее?

Душка избавила ее от необходимости отвечать.

– Нет, Лили. Чтобы у женщины был выбор – сделать все самой или попросить о помощи.

Вероятно, она хотела сказать что-то еще, но повернулась к столу и стала открывать пачку с сахаром. Потом подвинула ее вместе с ложками к Мэрили.

– Нужно насыпать полный стакан сахара. Если рассыплет на стол, не смахивайте на пол. Остатки можно завернуть в пищевую пленку и утром положить в кофе. Все в хозяйстве пригодится.

Прежде чем Мэрили успела достать ручной пылесос, привезенный из дома и теперь стоявший на кухонной стойке, Лили вдруг заявила:

– Я закончила с окрой. Можно я насыплю сахар?

– Конечно, – сказала Мэрили, радуясь, что удалось отвлечь дочь от ноутбука. Потом спросила Душку:

– А где рецепт? Я пока могу отмерить остальные ингредиенты.

– Нет никакого рецепта. Меня научила этому бабушка по отцовской линии. Она не умела писать, поэтому я просто смотрела на нее и научилась. Никогда не считала нужным это записывать.

– Вот, значит, какими раньше были дети? – спросила Лили, всецело сосредоточившись на том, чтобы насыпать в мерный стакан точное количество сахара. На этот раз Мэрили не сомневалась, что заметила улыбку.

– Когда живешь на ферме, остается не так-то много времени на учебу. Особенно у девочек. А когда приходит пора собирать урожай – ни у кого. – Душка посмотрела в окно над раковиной, и улыбка сошла с ее лица. Она смотрела на лес.

– Столько всего изменилось с тех пор. Иногда я думаю...

Не договорив, она принялась наполнять водой маленькую кастрюлю, потом поставила ее в духовку и зажгла газ.

– О чем вы иногда думаете, тетя Душка? – Мелодичный, звонкий голос Лили прозвучал в тихой кухне непривычно громко.

Душка отошла от духовки, вновь посмотрела в окно.

– Иногда я думаю: понимают ли теперь люди, что значит жертва?

– Я знаю, что значит жертва, – взволнованно заговорила Лили. – Мы на той неделе проходили это слово. Оно значит – отдавать кому-то что-то, не чтобы что-то получить взамен, а просто чтобы помочь другому.

Пожилая женщина долго молчала, глядя в окно. Потом сказала:

– Да, верно, – и, повернувшись к Мэрили: – Когда вода в кастрюле начнет закипать, выключите газ, положите в миску полкуска масла и поставьте его на кастрюлю. Оно должно размякнуть, но не расплавиться. И поживее, потому что я не собираюсь сидеть тут весь вечер. В восемь начнется моя передача.

– Неужели у вас нет видика? – удивилась Лили. Ее мать доставала масло из холодильника. – Вы могли бы смотреть свои передачи в любое время и без рекламы.

Душка моргнула:

– Мне нравится реклама. Во время нее можно встать и пройтись по гостиной, тогда и шагов наберется сколько надо.

Лили и ее мать переглянулись. Сделав все, как велела Душка, Мэрили спросила:

– Что дальше делать?

– Слушать и запоминать, потому что два раза я не повторяю. – Она протянула ей тарелку, полную муки. – Нарежьте окру кусочками в полдюйма и обваляйте в муке. Когда справитесь с этим, стряхните остатки муки в сито, а потом займемся яйцами и кукурузной мукой.

– Знаете, сейчас продают панировочную смесь, так что можно не возиться с...

Мэрили не договорила. Увидев выражение лица Душки, взяла миску. Они отмеряли, мешали и лепили в абсолютной тишине, лишь время от времени прерываемой указаниями Душки. Лили потихоньку вновь уползла к ноутбуку. Мэрили подчинялась приказам с исполнительностью солдата, благодарная и в то же время злая. Она злилась на Душку за такое поведение, злилась на себя, что позволяет так с собой обращаться. Злилась на мать, не посчитавшую нужным делиться с ней секретами кулинарного мастерства, а потом, когда погиб Дэвид, переставшую обещать, что научит ее потом. Будто его смерть была недостаточным наказанием.

Спина мучительно болела, когда они наконец вынули из духовки последнюю порцию печенья и покончили с обжаркой последних кусочков окры. Мэрили хотела попросить Душку вновь повторить рецепт, чтобы она могла записать, но тут Лили спросила:

– Мам, ты знаешь, что такое блог?

Мэрили почесала нос локтем, потому что руки были в рукавицах.

– Не слежу за ними, но что такое, знаю. А тебе зачем?

– Бейли Блэкфорд говорит – появился новый блог про Свит-Эпл, и я знаю людей, про которых там пишут.

– Правда? Как называется?

– «Правила игры». Мама Бейли думает, он про семьи с детьми, которые целыми днями занимаются спортом. Но мне кажется, не только об этом.

Мэрили нахмурилась, еще не поняв, о чем говорит Лили, но впечатлившись ее пронительностью.

– Кто автор?

– Никто не знает, потому что он подписывается просто «Ваша соседка», но миссис Блэкфорд считает, это мама кого-то из Виндвудской академии, потому что он очень много о ней знает. Это называется «а-но-ним-ный» – когда никто не знает автора. – Она нахмурилась. – Бейли считает, не надо тебе рассказывать.

– О блоге? Почему? Там что-то плохое?

Лили понимала, что слово «плохое» означает нецензурную лексику, обнаженные тела, наркотики и все остальное, что она вкратце увидела в «Крестном отце».

– Не знаю, я еще не читала. Бейли говорит, что пришлет мне ссылку. Ты считаешь?

Складка на лбу, пропавшая на время кулинарного урока, вновь прорезалась.

– Да, конечно. Я первая, хорошо? Просто выясню, нет ли там чего-нибудь неподходящего для десятилетней девочки. – Наклонившись, она поцеловала дочь в макушку. – Спасибо, Лили. Спасибо, что рассказала мне.

Лили просияла, и сердце Мэрили больно сжалось. Потребность в одобрении, всегда бывшая чертой ее характера, после развода усилилась. Еще одна причина проклинать Майкла по ночам, когда Мэрили просыпалась и не могла заснуть. Душка стояла у раковины, наполняла ее горячей водой и держала спину очень прямо – никаких признаков горба.

– Ради бога, – сказала Мэрили. – Вы и так много для нас сделали. Я уберу сама. Вы возьмете с собой немного печенья и жареной окры?

Старая женщина, казалось, не слышала. Она смотрела в окно, на Колина, который качался на качелях.

– Что вы будете делать, если он поймает собаку и она окажется бездомной?

Этот вопрос удивил Мэрили.

– Не знаю. Я стараюсь решать проблемы по мере поступления. Иначе они накроют меня с головой.

Душка выключила воду, оперлась руками на край раковины.

– Собаки долго не живут. Это слишком больно для ребенка.

– Неужели у вас никогда не было собаки? – спросила Лили.

Ее губы на миг изогнулись в печальной улыбке, тут же ставшей гримасой.

– Я росла среди собак. Братья всегда возились с дворовыми, а одну папа разрешил мне держать дома, если она не будет попадаться на глаза маме – она их не любила. Мою собаку звали Дикси. Она... – Душка внезапно осеклась. Складывая полотенце четким четырехугольником, сказала: – Скоро начнется моя передача, и ужинать пора.

Мэрили ощутила странное чувство, будто ее чего-то лишили. Будто она упустила возможность получить то, о чем сама еще не знала. Будто Душка едва не позволила ей заглянуть в свою жизнь, что могло стать началом если не дружбы, то некой особенной близости,

которой Мэрили до этого момента не могла себе представить. Может быть, оттого, что Душка столько времени жила одна, Мэрили показалось, будто у них есть что-то общее. Она понимает, каково жить одной. Понимает одиночество, пустоту и тоску, которые приходят к ней не только в холодную постель по ночам – они рядом каждую минуту каждого дня. Чудовищный груз всех решений, тягот и радостей, которые она надеялась разделить. Ненависть, оттого что в случившемся виновата не она. Мужа Душки убили на войне. Но и ее сердце опустело, будто любимого забрала смерть.

Мэрили выдвинула стул из-за стола.

– Вы весь день на ногах. Посидите, отдохните, а я налью вам стакан сладкого чая. Уж это я умею – заваривать чай меня научил дедушка, а он родился и вырос в Южной Джорджии.

Душка нахмурилась:

– Вряд ли он будет достаточно сладок для меня.

– Колину нравится, а он любит одни сладости, – сказала Лили, не отрываясь от ноутбука.

– Ну ладно, – неохотно проворчала Душка, – так и быть, выпью стаканчик. Но только один.

Мэрили улыбнулась и разлила чай по четырем стаканам из кувшина, стоявшего в холодильнике. Поставив два из них перед Лили, сказала:

– Время за компьютером истекло. Пойди подыши свежим воздухом и отнеси стаканчик брату.

Душка строго посмотрела на Лили.

– Не вздумай ходить в лес. У меня сегодня совсем нет времени везти вас в больницу, и я сомневаюсь, что ваша мама сможет вести машину, когда тебе или Колину вцепится в ногу водяной щитомордник⁸.

– Хорошо, мам, – Лили обеспокоенно посмотрела на Мэрили, без споров закрыла ноутбук и очень медленно, чтобы не расплескать чай, побрела к двери. Она до того боялась сделать что-нибудь не так, что Мэрили готова была крикнуть ей: беги что есть мочи с этими стаканами, разлить чай – не самая страшная в жизни ошибка, вытереть его ничего не стоит. Но, наверное, Лили сама должна учиться на своих ошибках. Если Мэрили в чем-то и была уверена, так это в том, что каждый совершает свои ошибки, и неважно, сколько раз ему объясняли, как правильно.

Оставшиеся два стакана Мэрили поставила на стол.

– Простите, у меня нет лимонов. Забыла зайти в магазин по дороге домой.

Душка сделала большой глоток и чуть подержала во рту, прежде чем сглотнуть.

– Ну, бывает и хуже.

– Вот спасибо, – ответила Мэрили, надеясь, что старая женщина услышит в ее голосе сарказм, который она и не думала скрывать. Она смотрела на левую руку Душки, лежавшую на широкой сосновой столешнице. Единственное, что украшало эту руку, – тонкое золотое кольцо на среднем пальце.

– Этот стол сделал мой отец из высоких сосен, которые росли у нас за домом. Раньше он стоял в том доме, но, когда я вышла замуж, отец подарил его мне. Сказал – раз уж братья ушли на войну, а у меня теперь своя семья, то им с матерью ни к чему такой стол. Думаю, ему было бы грустно каждый вечер видеть его опустевшим. – Она постучала по краешку коротким ногтем без маникюра. – Этот стол мог бы поведать столько историй.

Она подняла глаза, будто ожидала просьбы рассказать, и Мэрили заметила, какого яркого голубого цвета эти глаза, а лицо – в форме сердечка. Мэрили подумала, что Душка была очень красивой женщиной. Овдовевшей больше семидесяти лет назад. Мэрили вновь ощутила эту

---

⁸ Ядовитая гадюка.

связь, связь одиночества, которое протянуло между ними свои длинные липкие нити, соединило их, и не важно, хотели они того или нет.

– Расскажите мне одну, – попросила она, откинувшись на стуле.

На секунду ей показалось, что Душка откажется. Поднимется и уйдет, наказав Мэрили за то, что та нарушила ее покой. Но Душка отхлебнула еще глоток чая и положила обе руки на стол.

– Когда мне было одиннадцать, я видела, как мужчина умер от потери крови, лежа на этом столе. И ни стол, ни я с тех пор уже не были прежними.

Глава 5

Душка

Свит-Эпл, Джорджия, 1934 год

Мы с моим братом Джимми сидели на корточках на берегу озера. Мои руки, лежавшие на коленях, взмокли. Я смотрела, как он изо всех сил тянет маленькую сеть, надеясь, что попадутся головастики. Дедушкин бинокль, сослуживший ему службу во Франции еще в войну, теперь свисал с цыплячьей шеи Джимми, и дыхание у меня перехватывало каждый раз, как этот бинокль касался воды.

Джимми был на год старше меня, но одного со мной роста; одна его рука была короче другой и почти ничего не могла. Он смешно ходил: одна нога была повернута неправильно, и никто не знал, как ее выпрямить. Все это потому, что он застрял, когда вот-вот должен был родиться. Я не совсем понимала, что это значит, кроме того, что мы с Джимми казались ровесниками.

– Давай сюда банку, – скомандовал он, – быстреей.

Я протянула ему щербатую банку с завинчивающейся крышкой, которую нам дала мама Уиллы Фэй. Мы выложили дно водяным мхом и травой, налили немного озерной воды, чтобы головастикам было хорошо в новом доме. Джимми сказал: когда у них вырастут ноги, придется их отпустить, потому что тогда они уже не смогут все время находиться под водой. Вот что мне нравилось в Джимми – он был умным. Он знал все о птицах, и о тех, что живут у нас в Джорджии, и о перелетных – что они едят, как поют. Поэтому папа и подарил ему бинокль. Гарри и Уилл, старшие братья, вечно дразнили Джимми, называли его болваном и другими обидными словами, но Джимми, казалось, ничего не замечал. Это стало нашей маленькой шуткой – притворяться, будто он и в самом деле так глуп, как считают братья. Поэтому я любила Джимми больше всех, хотя мама и говорила, что нельзя выбирать любимчиков. Однажды я совершила ошибку, сказав ей, что она и сама так делает, значит, нет тут ничего плохого; за это отец задал мне трепку, вернувшись с полей. До сих пор не знаю, что страшнее – сама порка или ожидание стука его ботинок по крыльцу.

Сосредоточенно зажав язык между зубами, Джимми аккуратно вытащил головастиков из сети и посадил в банку. Мы оба улыбались, будто совершили настоящее чудо.

– Куда ты ее поставишь? – спросила я. Он сморщил нос и прищурил глаза странного цвета – такие светлые, что на солнце голубизна казалась белизной; люди считали его слабоумным еще и поэтому, но я знала – он может видеть то, чего не видит большинство людей.

– Не сомневаюсь, можно спрятать на заднем крыльце, где нет солнца. Я буду каждый день приносить им с озера траву и листья.

– Откуда ты знаешь, что едят головастики?

Джимми пожал плечами:

– Я каждый день сижу тут на берегу. Не шевелюсь и смотрю на лягушек и головастиков. Можно многое узнать, если просто смотреть. – Он вновь прищурился. – Например, если мама говорит, что устала, значит, ей просто лень.

Я хотела сказать о маме что-нибудь хорошее – о том, что она никогда не уставала, прежде чем родились последние трое малышей и всех их похоронили на крошечном кладбище в лесу – и все это случилось меньше чем за два года. После этого она и стала все время уставать. Перестала готовить, и убираться, и заниматься огородом, и шить, и штопать, и спрашивать у нас,

детей, как мы себя чувствуем. Перестала делать все, только иногда пела грустные песни да слушала, как Бобби, еще один наш брат, читает ей книги, которые она привезла из Саванны.

Мама Уиллы Фэй помогала нам, как могла, надеясь, что мама скоро поправится, но я сомневалась, что это случится, пока она целыми днями лежит или сидит в кресле-качалке на крыльце, даже не пытаясь себя занять.

Над нами нависла тень. Мы с Джимми подняли глаза и увидели Ламара Дженкинса. Его отец, Руфус, приехал к нам с тexasского ранчо, когда Ламар был совсем маленьким. Руфусу хотелось уехать из Техаса, потому что его жена и маленькая дочь погибли там от инфлюэнцы. Он хорошо управлялся с коровами, поэтому отец его и нанял.

Кожа Руфуса была черной, как уголь, он был огромным в высоту и в ширину, поэтому никто не рискнул бы с ним спорить. В коровах он разбирался лучше, чем папа. Самый большой секрет Руфуса заключался в том, что это был самый добрый человек на свете. Однажды я видела, как он прыгнул в озеро, чтобы спасти маленькую птичку, которая свалилась туда в поисках червей. Заметив, что мы с Джимми смотрим, он набычился и заставил нас поклясться, что мы никому не расскажем.

Ламару было только десять, но ростом он уже сравнялся с Гарри, которому было почти семнадцать. По словам папы, он должен был вырасти в такого же гиганта, как Руфус, и я радовалась тому, что с ним тоже никто не рискнет спорить. Его кожа была до того черной, что Уилл божился: если Руфус разденется догола и закроет глаза, ночью его будет не видно. Может, он был и прав.

– Эй, Ламар, – сказал Джимми, вслед за мной поднявшись на ноги. – Смотри, что у нас есть.

Ламар пристально пригляделся:

– Ух ты, головастики. Будете смотреть, как они становятся лягушками?

Я улыбнулась Ламару. Он был умным, как Джимми, но никому не было дела до его ума, потому что он был черным. И огромным. Дружбу с ним мы с Джимми держали в секрете, и я была этому рада. Потому что мне не нужно было ни с кем делить ни Джимми, ни Ламара.

– Ага, – ответил Джимми. – Поставим банку на заднем крыльце.

Ламар кивнул:

– Смотри только, чтоб не заметили ваши братья. Они испортят все, до чего доберутся.

В ту же секунду мы услышали гиканье и свист. Словно почуяв, что речь о нем, из-за сарая выехал Гарри верхом на Грейс, спокойной старой кобыле, тянувшей за собой воз с сеном. Предполагалось, что он проверяет изгородь на прочность, но он, по всей видимости, решил уделить этому не особенно много внимания.

Он впился каблуками в бока Грейс, понукая ее ехать быстрее, и я крикнула, чтобы он полегче с ней, потому что она старая и годится лишь для неторопливой прогулки. Но мы были слишком далеко, и он нас не слышал, так что мы понеслись к сараю. Рука Джимми крепко прижимала крышку банки, чтобы не слетела, дедушкин бинокль шлепал его по тощей груди. Несмотря на искривленную ногу, бегал он быстро. Конечно, конкурс красоты среди спортсменов вряд ли выиграл бы, но среди нас уж точно мог обогнать любого.

Приблизившись, мы заметили Уилла, который стоял в дверях под самой крышей амбара, по всей видимости, собираясь прыгнуть. Чистое безумие – всякому было понятно, что это слишком высоко. Мы обычно оставляли в амбаре воз и вилами поднимали наверх сено, но сейчас там не было ни воза, ни сена, только вилы стояли, прислонившись к стене, и словно взирали на этих глупых мальчишек.

Мы услышали за сараем крик и увидели, как Руфус выбегает из-за другого угла, размахивая соломенной шляпой, чтобы привлечь внимание.

– Ребят, вы это дело бросьте, слышите? Сломаете свои жалкие шейки, вот что будет. – Он бежал так быстро, что, как потом отметил Джимми, ног было не разглядеть.

– Эй, Руфус! – Уилл уже свисал с окна, рукой вцепившись в задвижку. Миг спустя я разглядела в другой его руке кружку с самодельным виски – мы по-прежнему хранили его в бочках, хоть сухой закон и отменили. Папа сказал, самим гнать дешевле, вот мы и гнали. Но детям в любом случае пить не разрешалось, так что я бросила кричать на Гарри, лягавшего кобылу, – все равно он не слушал – и стала кричать на Уилла, которого ждали большие неприятности, если папа узнал бы про виски.

Тут я увидела за его спиной еще одну фигуру и понадеялась, что это не Бобби. Ему было тринадцать, и больше всего на свете он любил читать. Целыми днями сидел за книгой, и мама иногда просила его почитать ей вслух.

Это оказался не он. Это был парень, которого я никогда прежде не видела, но знала, кто он. В заброшенной хижине на другой стороне леса поселилась семья, которая должна была платить за землю долей урожая. Я видела в церкви мать и двух маленьких дочек, худых и бледных, как кукурузная шелуха, высохшая на солнце. Мама кивнула нам и улыбнулась, показав больше дырок, чем зубов, а потом сказала, что муж и сын не пришли, потому что возьмется с большим мулом. Не то чтобы мы расспрашивали ее о чем-то; наша мама все равно с тех пор не ходила в церковь, потому что слишком уставала.

Этот парень был ростом с Гарри, тощий, как скелет. Подойдя ближе, я увидела, что его густые темные волосы подстрижены так, будто он сам себя обкорнал в темноте. Он улыбался, но это была не совсем улыбка. Так улыбались Гарри и Уилл, когда говорили, что у них есть для меня подарок, и сажали лягушку-вола мне за шиворот.

– Не падай, – сказал он и толкнул Уилла.

Я завизжала. Парень за шиворот подтянул его к себе и расхохотался, будто это очень смешно – чуть не столкнуть человека из окна амбара.

Уилл поднес ко рту кружку, будто ничего не произошло, и сделал большой глоток, качаясь, как на сильном ветру. У меня перехватило дыхание – парень снова ухватил его сзади за шиворот, по-прежнему улыбаясь.

– Эй вы! – закричал им Руфус. – Ну-ка прекратите, пока никто не ушибся! Слезайте отсюда, и я не расскажу мистеру Прескотту.

Грейс застыла на месте, на губах пенилась слюна. Гарри наполовину свесился из седла. Я услышала звук, повернулась и увидела, что он заблевал себе всю ногу. Жалкое зрелище! Я помолилась, чтобы папа подольше пробыл в полях и Гарри успел привести себя в порядок.

– Не указывай, что мне делать. – Парень снова толкнул Уилла и снова успел подтянуть к себе, но так резко, что Уилл уронил кружку, и та разлетелась на куски. Грейс фыркнула и отступила назад шаг или два; вилы, стоявшие у стенки, упали, будто не хотели больше видеть это безобразие, и теперь лежали в грязи, глядя в небо. На этот раз я не закричала, потому что было слишком страшно. Джимми шагнул вперед.

– Хватит, Кертис. Это не смешно.

Я даже не задумалась, откуда он знает, как зовут парня. Джимми знал все на свете.

И тут все задвигалось очень быстро и в то же время медленно. Первое, что мне вспоминается, когда я об этом думаю, – треск разрываемой ткани, когда Кертис вновь толкнул Уилла. Но на этот раз, когда он попытался подхватить его за ворот, Уилл продолжал падать.

В руке у Кертиса остался кусок красно-синей клетчатой рубашки Уилла. Кертис по-прежнему стоял, выставив руку вперед, будто думал, что мой брат пришит к своей рубашке. И тут Руфус рванул вперед, и мы все побежали, и Гарри верхом на Грейс потерял сознание, а Уилл падал и падал.

Руфус добежал первым, и я обрадовалась, потому что если кто и мог поймать Уилла и не убится, так это Руфус. Но все вышло не так, как должно было. Руфус успел поймать моего тупицу брата, но поскользнулся на отлетевшем доньшке разбитой кружки, едва успев разжать руки. Раздался глубокий выдох – я не знала, кто выдохнул: Уилл, Руфус или, может быть, я

сама, счастливая, что мой брат не сломал свою бесценную шею. Но, потеряв баланс, Руфус покачнулся и, увлекая за собой Уилла, рухнул всем телом прямо на вилы.

– Папа! – Из всех нас лишь Ламар сдвинулся с места. Остальные могли только стоять и смотреть, как красная лужа медленно расплзается под телом Руфуса и темная глинистая земля впитывает ее.

Ламар тянул Уилла за руку, пытаясь стащить его с отца, но глаза Уилла были закрыты, и он тихонько храпел. Я подлетела к ним и пнула его сильнее, чем требовалось, – я была испугана, и зла, и мне хотелось сделать ему так же больно, как больно было Руфусу.

К горлу подкатила рвота, запах крови напомнил мне о свиньях, которых мы забивали каждый октябрь. Я лежала у себя в комнате, зажав голову подушкой, чтобы не слышать визга свиней, но чувствовала вкус крови – мне казалось, сам воздух становится красным.

Уилл лежал лицом в грязи. Ламар плакал и пытался рубашкой вытереть лицо отца, но Руфус лежал неподвижно, на губах пузырилась кровь, потом потекла по щеке. Я посмотрела на Гарри – тот выпал из седла и пытался подняться. Я поняла, что от него помощи не дождусь.

– Джимми! Беги к маме и скажи ей, что Руфус сильно ранен и ему нужна помощь!

Он посмотрел на меня, как на спятившую, но, может быть, только потому, что не вспомнил, как мама однажды вправила вывихнутую руку Гарри и как зашила рану на щеке Джимми, когда он свалился с дерева, желая посмотреть на гнездо ястреба. Она кое-что умела по медицинской части.

– Я пошел за папой, – сказал он, не дожидаясь моих возражений, и рванул в поля. Красная глинистая земля летела у него из-под ног, он бежал так, словно время гналось за ним по пятам, и по-прежнему сжимал в руке банку, и по-прежнему бинокль стучал по крышке.

– Эй ты, Кертис! – закричала я, вскинув голову вверх.

Голова Кертиса показалась из-за двери. По всей видимости, он надеялся, что я забыла о нем. Или о том, что он сделал.

– Беги к своей маме и скажи ей, что человек ранен и нужно быстро бежать сюда.

Слова застревали в горле. Я надеялась, он не заметил, что я готова расплакаться от страха. Страх, что Руфус ранен слишком сильно и его уже не спасти. Ламар издавал жуткие звуки, будто задыхался, и продолжал утирать краем рубашки лицо отца, будто это могло помочь.

Кертис медленно повернулся и на несколько минут исчез из вида. Он слезал по лестнице так медленно, что я готова была ворваться в амбар, схватить его за штанину, стянуть вниз и что есть силы ударить в лицо – я сотню раз видела, как Гарри бьет в лицо Уилла.

– Беги! – заорала я. – Беги за мамой, папой, за кем угодно, кто может помочь!

Он улыбнулся мне, и меня словно пронзил зимний ветер, всю – от макушки до пят.

– Сама и беги, – сказал он, повернулся спиной ко мне, к бедному Руфусу, к Ламару и так же медленно побрел в сторону леса, который начинался за хлопковым полем.

Я не знала, что делать, у меня щемило сердце, и я готова была оставить Ламара с отцом и пойти искать подмогу, но тут услышала крик Джимми. Он бежал к амбару, вслед за ним отец, и от облегчения я едва не потеряла сознание. Папа, наверное, был уже дома и ужинал, иначе не добежал бы так быстро. За ним мчались еще два работника, и я крепко закусила нижнюю губу, чтобы не закричать.

Папа велел Джимми бежать за доктором. Вместе с рабочими они дотащили Руфуса до кухонного стола, уложили на него. Я побежала в спальню, к маме. Она сидела в кровати, откинувшись на белые шелковые подушки, которыми очень гордилась, потому что привезла их из Саванны вместе с приданым. Рядом с ней в кресле-качалке сидел Бобби и читал вслух. Я сбивчиво рассказывала, что случилось, и умоляла о помощи, но она лишь сидела нахмурившись, словно не понимала, кто я и о чем говорю. Наконец она дотянулась до моей руки и легонько сжала, и тогда я заметила на столике открытую бутылочку с лекарством и засохшую корич-

невую струйку в уголке маминого рта, словно ей уже не нужен был стакан, чтобы принимать лекарство.

– Все будет хорошо, Элис, – пробормотала она сонно. Она единственная из всех называла меня по имени. – Тебе нужно самой научиться лечить людей, почему бы и не теперь. – Она указала на платяной шкаф пальцем, будто ей было слишком тяжело поднять руку. – Коробка с лекарством на нижней полке, старые простыни можешь порвать на бинты. – Она рухнула на подушки и закрыла глаза.

Бобби помог мне достать коробку из шкафа и дотащить до кухни, которую я с трудом узнала. Все было в крови: стол, мужчины, бедный Ламар, по-прежнему издававший жуткие звуки, словно задыхался. Кровавый отпечаток руки на контейнере для льда. Кровавый отпечаток ноги возле него, смотревший в другую сторону.

– Мама не придет, – сказала я и начала разворачивать старую простыню. Мой голос дрожал, как птичья трель, но хорошо, что я не плакала. – Не знаю, что с этим делать, но мама сказала, надо принести...

Большая папина рука легла мне на плечо.

– Руфусу это не поможет, Душка.

– Но он поранился. Он упал на вилы. Он...

– Я знаю. Но уже поздно. Его больше нет.

Я посмотрела на него и на стол. Ламар уже не плакал, он держался за руку Руфуса, словно хотел, чтобы тот забрал его с собой. Кровавые лужицы начали маленькими каплями стекать со стола. В кухне было так тихо, что звук каждой капли казался криком.

– Это был несчастный случай. – Гарри стоял в дверях, его лицо было бледнее скрученной простыни. Рубашка была испачкана рвотой, я чувствовала запах виски, но он был слабее запаха крови, который я ощущала во рту и на языке.

– Это был несчастный случай, – повторил Гарри, будто, если несколько раз произнести эти слова, они станут правдой. Он посмотрел мне в глаза, и я поняла – это предупреждение.

Я посмотрела на Ламара – он ведь тоже был там, он видел то, что видела я. Его глаза покраснели и распухли, все лицо в слезах, но он лишь покачал головой и отвернулся, стал пристально смотреть на ладонь своего отца, словно молясь, чтобы она шевельнулась.

Папа посмотрел на Гарри и снова на меня. Его щеки обвисли, он казался намного старше, чем сегодня утром, за завтраком.

– Это был ужасный, трагический несчастный случай, – сказал он затылку Ламара.

Обводя взглядом лица, я пыталась понять то, чего понять не могла. Я не так много знаю, но одно я в тот день узнала наверняка: правда бывает липкой, как патока, и я никогда уже больше не буду маленькой девочкой. Детство кончилось в ту самую минуту, когда Руфус побежал к амбару, чтобы увидеть, сможет ли помочь. Я рванула прочь из кухни, по пути задев локтем банку с головастиками, стоявшую на кухонной стойке, и звон разбитого стекла раздался мне вслед.

Глава 6

Мэрили

Электронные часы, стоявшие на кофеварке, мигнули два раза. Мэрили налила себе еще чашку. Прошлой ночью опять разразился шторм, и на несколько часов вырубилось электричество. Мэрили нахмурилась, глядя на светящиеся цифры. Один из нелепых гаджетов, которые она не умела настраивать, потому что этим всегда занимался Майкл. Не то чтобы она была не способна или слишком глупа, чтобы научиться, – просто это, как и многое другое, вызывало воспоминания о взаимопомощи и поддержке, которых лишил ее развод. О невысказанном «я сварю кофе, а ты настрой часы». И то и другое само по себе не вызывало особой сложности, но, целый день выполняя множество простых действий в одиночку, к вечеру она попросту выматывалась.

Раскаты грома загнали обоих детей в ее кровать – хотя до развода они никогда не пугались до такой степени, – и, промучившись несколько часов в попытках уснуть, когда маленькие локотки и коленки то и дело толкали ее в спину и под ребра, Мэрили спустилась вниз и, сидя на заднем крыльце, смотрела на дождь и думала о той истории, которую ей рассказала Душка.

Вскоре после этого старая женщина, посмотрев на тяжелые тучи, заявила, что ей немедленно нужно уходить. Мэрили предложила ее подвезти, но Душка покачала головой и пошла к двери. Ее глаза приняли цвет океана после шторма, будто воспоминания размешали их краску и сделали ярче.

Мэрили захотелось отбелить стол – ей казалось, она еще видит умирающего и кровь, пропитавшую старое дерево. Она напонила себе – не важно, что картинка в ее воображении такая яркая; все это случилось восемьдесят два года назад. Давным-давно. Но, видимо, недостаточно давно, чтобы забыть.

– Мам?

Мэрили повернулась и увидела Лили с ноутбуком. На ней была ночная рубашка с персонажами «Холодного сердца», которую она получила от родителей Мэрили на прошлое Рождество. Она уже тогда была ей мала, а теперь больно впивалась в тело. И не сказать, чтобы это был любимый мультфильм Лили. Она носила ночную рубашку лишь потому, что та создавала иллюзию, будто бабушке и дедушке, которых Лили почти не видит, на нее не наплевать.

Мэрили поцеловала дочь в макушку, наслаждаясь запахом детства и с грустью думая, что скоро он изменится.

– Ты чего так рано вскочила?

Лили положила ноутбук на стол:

– Бейли прислала мне ссылку на тот блог, про который я рассказывала. Мне кажется, тебе надо его почитать.

– Когда она тебе ее прислала? Мы же договорились, что я прочитаю первая.

Лили кивнула и опустила глаза:

– Я знаю. Но когда я позвонила Бейли спросить насчет контрольной по математике, она сказала, что мне нужно срочно прочитать этот блог. И я прочитала. И он правда ужасный, и надо, чтобы ты его увидела. Там написано про тебя. А в последнем посте – еще и про папу.

– Подожди, – сказала Мэрили, надеясь, что кофеин побыстрее дойдет до мозга. – Когда это все случилось?

– Поздно ночью. Я волновалась из-за контрольной, а Бейли сказала, что никогда не отключает телефон, вот я и позвонила.

Мэрили сделала большой глоток кофе, не заботясь о том, что обожжет себе язык и нёбо. Было так много вопросов, которые ей предстояло обсудить с дочерью, но если кто-то анонимный пишет гадости про нее и про Майкла, в первую очередь надо разобраться с этим.

Она села и открыла ноутбук.

– Давай, открывай блог, Лили. По поводу правил и последствий мы поговорим, когда я дочитаю.

Лили нашла блог, а Мэрили тем временем допила остатки кофе.

– Прочитай сначала последние два, а потом вот этот. Его выложили вчера.

За десять минут Мэрили прочитала два первых поста и вздрогнула, увидев упоминание о разведенке – вне всякого сомнения, речь шла о ней. Не отрывая глаз от экрана, с благодарностью выпила вторую чашку кофе, которую ей предусмотрительно налила Лили.

– Это ужасно, – сказала Мэрили, добравшись до конца второго поста. – Чувствую себя как в реалити-шоу, где на меня смотрят незнакомцы.

– Это не очень обидно, мам. «Не поддается чужому влиянию» – это значит, что ты не притворяешься и не подстраиваешься под других. Это вообще, может быть, комплимент.

Мэрили хотела поспорить, но она знала – Лили права. Ей хотелось заострить внимание на словах, что школьный год долгий и может произойти что угодно, но ей не хотелось добавлять причин для беспокойства Лили, у которой их и так было достаточно.

– Может, выпьешь что-нибудь покрепче кофе, прежде чем читать третий пост? – тихо предложила Лили. Мэрили посмотрела на нее из-за ободка кружки.

– Сейчас полвосьмого утра. И откуда ты вообще знаешь о таком?

– Я смотрела «Крестного отца», не забывай. – Лили даже не улыбнулась.

У Мэрили упало сердце.

– Я помню, да.

Встряхнув головой, она вернулась за ноутбук и продолжила читать.

Правила игры

Наблюдения о пригородной жизни в Свит-Эппле, штат Джорджия

Автор: Ваша Соседка

Пост № 3: Круговые перекрестки: под силу не только Эйнштейну

Надеюсь, вы находите время, чтобы почитать нашу местную еженедельную газету, «Вестник Свит-Эппла», которую обычно оставляют возле подъезда, но часто промахиваются, и она валяется посреди дороги или под кустом, пока не подует ветер и не разбросает страницы по вашему газону; но я отвлеклась.

Я читаю ее от корки до корки, включая объявления. И в первую очередь некрологи. В них, конечно, мало веселого, но иногда попадаются весьма забавные – конечно, это не намеренно. Случается, автор решает попытать себя в поэзии и срифмовать что-нибудь наподобие «полковник» и «покойник», или «Бог» и «рок», или моего любимого «гроб» и «усоп». Дорогие соседи, если ваша фамилия не Вордсворт и не Фрост⁹, лучше даже не пытайтесь. А если ваш дорогой усопший при жизни был клоуном, не надо прикреплять к объявлению о смерти его фотографию с места работы. Вся серьезность некролога отчего-то в таких случаях теряется. Ну а уж если вы это сделали, не сердитесь, когда я вырежу объявление и отправлю своему другу,

---

⁹ Уильям Вордсворт (1770–1850) – английский поэт-романтик, представитель Озерной школы. Роберт Ли Фрост (1874–1963) – один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулитцеровской премии.

который коллекционирует смешные некрологи. Не осуждайте его. Хобби полезны, все равно что овощи и зарядка, только куда веселей.

К своему удивлению, я обнаружила, что вся первая полоса свежего номера, где обычно сообщается о чем-нибудь очень важном, например, расположении новых метеорадаров¹⁰ или увеличении количества пробок на автостраде Альфареты (для вас, новички, это маршрут 400, получивший свое прозвище за большой процент немецких машин и скорость, какую они развивают, невзирая на плотный транспортный поток) – так вот, вся первая полоса была посвящена трем круговым перекресткам, которые сейчас строятся, несмотря на недостаток площади.

Я не знала, смеяться мне или пугаться, когда увидела подробную схему одного из этих перекрестков, к которой прилагалась диаграмма въезжающих и выезжающих машин (с указывающими стрелочками на случай, если водители не знают, по какой стороне дороги ехать) и три колонки с направлениями движений.

Дорогие соседи, не хочу говорить очевидные вещи, но если вы не в состоянии без указателей разобраться, что такое круговой перекресток, возможно, вам вообще не стоит водить автомобиль. Я посоветовала бы вам велосипед, но с учетом местных узких и извилистых дорог может возникнуть другая проблема, которая, несомненно, станет темой следующего поста.

Сообщая о новостях, я боюсь показаться нерадивой, если буду рассказывать лишь о том, что и так печатают в газете, например, приводить список университетской футбольной команды, которая не становится меньше, невзирая на социальноэкономические проблемы остальной части населения. Меня больше интересует, откуда взялись эти молодые люди и кто за них платит.

Так вот, предмет, который точно не будет обсуждаться в местной газете, – тот факт, что молодая учительница, преподающая математику в третьем классе, на третьем месяце беременности. Это, безусловно, чудесные новости, потому что мы, жители Свит-Эппла, обожаем малышей, но преподавательница наших впечатлительных детей, увы, не состоит в браке. Еще больше сочности этой новости придает другой факт – счастливый отец малыша еще не был разведен, когда зачал наследника. Да, развод был в процессе, но, как бы то ни было, этот мужчина – уже отец двоих детей, надо заметить, – был женат на другой женщине.

Я не хочу писать гадостей о ком бы то ни было из сторон треугольника – особенно о покинутой жене, невинной жертве этого безобразия. Но скрывать правду – все равно что поливать духами свинью. Все равно свинья воняет. И чем раньше откроется правда, тем скорее можно будет двигаться дальше.

Прежде чем закончить, думаю, я затрону тему ассимиляции. Фактически этот пригород Северной Атланты не является Югом, но среди нас довольно много местных жителей, и хотя мы не против вторжения чужеземцев в нашу культуру, мы за то, чтобы это происходило тактично. Вчера, обедая у себя в клубе, я услышала, как женщина из Мичигана сказала «благослови вас Господь», когда официант принес ей несладкий чай, и по ее словам я сразу поняла, что она не местная. В таком контексте употреблять эту фразу некорректно, и я не в первый раз слышу ее некорректное употребление. Ее правильно употребил бы официант, если бы в ответ на просьбу принести несладкий (гадость какая) чай сказал бы: «Вы не здешняя, верно? Благослови вас Господь».

Так что, думаю, я стану впредь помогать новым соседям и в конце каждого поста разбирать какую-нибудь южную поговорку и ее значение, и, надеюсь, вас это порадует не меньше, чем меня.

«Новая метла метет чисто, но старой известны все углы» – эта пословица может относиться к чему угодно, например, к работодателю, который предпочтет нанять сотрудника

---

¹⁰ Специализированная радиологическая станция для определения координат выпадения осадков, направления их движения и типа.

постарше, но с опытом. Однако я разберу ее на недавнем примере с разведенным мужем, его экс-супругой с двумя детьми и беременной подружкой. Похоже, он выбрал себе метлу поновей, но, в сущности, она вскоре станет точно такой же, как и старая, когда устанет от постоянной уборки. Вот и все, что я могу сказать на эту тему.

Лили посмотрела на мать широко раскрытыми глазами, и хмурая складка между ее бровей стала глубже.

– Думаешь, это означает, что у мисс Гарви будет ребенок?

Мэрили не сразу поняла, о ком спрашивает Лили, потому что после того, как Майкл от нее съехал, называла Тэмми Гарви самыми разными именами, но только не тем, какое стояло у нее в паспорте.

– Не знаю, Лили. Могут быть и другие беременные учительницы математики... – Она осеклась, увидев взгляд Лили. Взгляд, каким не должны смотреть десятилетние дети.

Мэрили обняла плечи Лили.

– Давай не будем об этом думать, пока я не поговорю с папой, хорошо?

Лили кивнула и закрыла ноутбук. Ее плечи поникли, и Мэрили поняла, что не сможет наказать ее за непослушание. Узнать, что подружка ее отца беременна – без того чудовищное наказание.

Она вздохнула, пытаясь понять, как себя чувствует. Боль, которая поселилась в горле, каждый раз вспыхивала с новой силой при мысли о том, что Майкл с другой, но не стала сильнее, когда Мэрили узнала, что Тэмми ждет от него ребенка. Может быть, это что-то означало. Может быть, это означало прогресс. А может быть, блогерша права: чем раньше откроется правда, тем скорее можно будет двигаться дальше. Мэрили нравилась мысль о том, что она узнала об этом не на вечеринке, например, где новость могла бы ее огоршить гораздо неприятнее. Может быть, туда придет и сама блогерша, и Мэрили догадается, кто она такая. Ей казалось, анонимная женщина – она представила женщину средних лет – оказала ей услугу.

– Во дворе отпечатки лап! Тут была белая собака! Можно я пойду ее поищу? – Колин ворвался в кухню, его глаза ярко горели от возбуждения, пижамная кофта была полурасстегнута, штанины не доставали до лодыжек.

Мэрили поднялась, выдвинула из-за стола стул.

– Сперва позавтракай и оденься. И не отходи дальше качелей, хорошо?

– Но...

– Это может оказаться койот. Или енот. – Она не сказала «медведь», не желая пугать ни сына, ни себя. – Здесь водятся разные животные, и ты не станешь уходить далеко от дома, чтобы узнать, какое из них тебе попадет.

– Но я нашел старую собачью миску под раковиной, поставил на крыльце и положил туда печенье – значит, это была собака, верно?

– Колин! – Мэрили резко встала, ножки стула царапнули по полу.

– Она пустая, я уже смотрел. Тогда я и увидел следы лап на траве. И возле крыльца тоже.

Мэрили несколько раз медленно вдохнула и выдохнула, опустила на колени перед сыном и положила руки ему на плечи.

– Солнышко, мы не можем держать собаку. А оставлять на крыльце еду – плохая идея. Ты можешь приманить сюда диких животных, понимаешь?

Он тихо кивнул, но в глазах по-прежнему горели огоньки надежды.

– Да, мам. Но если этой собаке нужен дом? Тогда мы ее оставим?

Мэрили поднялась с колен и вздохнула:

– Давай решать проблемы по мере поступления. И никакой больше еды на крыльце, хорошо?

Он молчал целую минуту, размышляя, потом наконец ответил:

– Хорошо, мам.

– И на заднем тоже, – добавила Мэрили. Подошла к шкафу, вынула две тарелки, поставила на стол.

– Что здесь делает мистер Кимбалл? – крикнула Лили из комнаты.

– Что? – Мэрили окинула взглядом растянутую футболку, в которой спала и которая почти не прикрывала ее грудь, уже не такую упругую, как до родов. Поднесла пальцы к лицу, вспомнила, что еще не умывалась и что намазала зеленой зубной пастой прыщ, вчера вскочивший на подбородке. Она прочитала этот совет в каком-то журнале и не особенно верила, что он сработает, но подумала: хуже не будет. Если никто не увидит ее в таком виде.

Стоя посреди кухни, она думала, сможет ли незаметно проскользнуть в комнату, но внезапно услышала стук в дверь и голос Уэйда Кимбалла:

– Доброе утро, Мэрили. Это Уэйд, пришел вешать полки.

– Черт возьми, – пробормотала она сквозь зубы. Уэйд обещал зайти на выходных, но она надеялась, он позвонит и договорится об удобном времени. Заметив Душкин фартук с нагрудником, свисавший с крючка на стене, Мэрили просунула в него голову.

– Заходите, – сказала она, затягивая завязки. Колин уже рвался открыть дверь.

– Привет, чемпион, – сказал Уэйд ее сыну. Пройдя мимо него и увидев Мэрили, он ничем не показал своего изумления или отвращения. Либо он был очень вежлив, либо нуждался в очках.

Скрестив руки на груди, Мэрили сказала:

– Я не ждала вас так рано.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Я обещал прийти на выходных. Сегодня выходной, верно?

– Суббота. Восемь утра.

– Именно. – Он протиснулся в дверной проем. – Плотничное дело – мое хобби, но, увы, приходится откладывать его на выходные, чтобы работать. Покажите мне, что нужно сделать, и я обещаю вам не мешаться.

Смирившись, Мэрили повела его в большую комнату, где были полы, покрытые широкими досками, мягкие хлопковые ковры и удобные диваны. Все потрепанное, но любимое – полки заставлены старыми книгами, одна целиком посвящена трактатам о птицах. Эти книги были самыми старыми – издавшие виды рваные обложки, зачитанные страницы с загнутыми уголками, чтобы проще было ориентироваться.

– Здесь, – сказала она, указывая между стеной и спинкой дивана. – В старом доме был встроенный шкаф, так что я не могла забрать его с собой. Но мне нужно где-то хранить мою коллекцию.

– Вашу коллекцию?

Она кивнула, смутившись, как смущалась каждый раз, когда приходилось рассказывать другим о своем увлечении.

– Да. Я коллекционирую старые карты. Не сказать чтобы очень уж редкие или дорогие, просто те, которые по разным причинам нахожу интересными. В основном маленькие – для больших у меня никогда не было места. Некоторые в рамках, но остальные я храню скрученными в особых контейнерах. Для них мне и нужны полки.

Какое-то время он смотрел на Мэрили, и ей стало не по себе под его изучающим взглядом.

– Это куда круче, чем моя коллекция бейсболок. Точно вам говорю. – Он улыбнулся, и она немного расслабилась. – А какие карты вы выбираете?

Она пожала плечами:

– В основном знакомых мест. Мне нравится видеть, как меняется мир. Еще люблю карты, начерченные от руки. С рисунками, набросками. Это как будто читать старые письма или дневники давно минувших лет.

– Значит, вы любите старые вещи? Или перемены?

Последний вопрос был слишком личным. Повернувшись спиной к Уэйду, Мэрили подвела его к коробкам, лежавшим в углу комнаты.

– Вот все коробки, чтобы вы понимали, сколько нужно разместить. Мне кажется, нужно что-то широкое, но недлинное, чтобы хорошо смотрелось над диваном. И еще я планирую расширяться, так что немного свободного пространства будет кстати.

Он снял с пояса с инструментами измерительную ленту. Размотав, протянул один конец Мэрили.

– Держите прямо над ножкой дивана.

Он сделал несколько измерений, записал в маленький блокнот, тоже висевший на поясе.

– Знаете, у Душки тоже есть старые карты. Еще ее бабушки, наверное. На них видно, сколько земли было у семьи Прескотт в первые годы после Гражданской войны. Очень впечатляюще. Все в радиусе двадцати пяти миль принадлежало их семье, включая те земли, где сейчас клуб и поле для гольфа. – Уэйд сел на корточки. – Моя бабушка, Уилла Фэй, – лучшая подруга Душки, поэтому я и знаю такие тонкости. Каждый раз, когда кто-то из братьев Душки продавал часть земли, она зачеркивала его на карте жирным черным крестом и очень страдала.

– Это так грустно. Но как же племянники и племянницы? Неужели им не хотелось сохранить хотя бы клочок?

– Казалось бы, если в семье пятеро детей, должны быть и внуки? Но нет. Не знаю, что случилось с самым младшим. Кто-то погиб на войне. Двое старших воевали в Европе, а когда вернулись, немного спятили. Пристрастились к разным вредным привычкам. В основном к скачкам. Ни тот, ни другой не женился – оба, по словам бабушки, предпочитали женщин легкого поведения, на которых деньги тратить можно, но жениться совсем не обязательно – так говорила моя бабушка. А милые женщины из хороших семей старались держаться от них подальше.

– Значит, вы не знаете, что случилось с самым младшим, Джимми? – К своему удивлению, Мэрили поняла, что ей важен ответ на этот вопрос. Она представила себе его так ясно, словно знала лично, и ей хотелось, чтобы у него все сложилось хорошо, хотя, судя по рассказу Уэйда, надеяться не стоило.

Уилл покачал головой:

– Можете спросить у Душки, но она вряд ли ответит. Она не любит рассказывать о детстве. Ей нелегко пришлось – единственная девочка в семье, где мать не у дел. Трудные времена. Поразительно, какой милой она выросла, несмотря на все это.

Мэрили скорчила гримасу, рассмешившую Уэйда.

– Я знаю, поначалу она кажется сварливой, но такой уж характер. Может, иначе она и не сладила бы с четверьмя братьями. Но когда вы узнаете ее поближе, вы увидите, какое у нее большое и преданное сердце. Бабушка как-то сказала, что Душка способна на все ради тех, кого любит. На все. Мне не доводилось проверять эту теорию, но я в нее верю.

– Да, пожалуй, и я поверю вам на слово. Может, вы измерите и рассчитаете все, что вам надо, а я пока оденусь?

– Но ведь вы и так одеты.

Она смерила его взглядом, указав на растянутую футболку и фартук.

– Да вы что?

– Ну я мужчина, как вы успели заметить. И потом, я слишком засмотрелся на эту зеленую точку у вас на подбородке. Если решите выйти из дома, ее, наверное, лучше смыть.

Попытавшись придумать ответ и не придумав ничего, Мэрили повернулась и направилась в спальню. Покинув ее пятнадцать минут спустя, услышала голоса в гостиной. Увидела, что Душка водит тряпкой по чайному столику, а Уэйд сидит у окна над листком бумаги и калькулятором. Нимало не смущаясь того, что пришла протирать пыль в чужой дом, Душка

лишь ненадолго прервалась, чтобы пожелать доброго утра, и вновь вернулась к своему занятию. Мэрили прислушалась.

– Вы не видели Лили и Колина? – спросила она.

– Я велела им пойти одеться и сказала, что потом они могут посмотреть телевизор, – ответила Душка, не поднимая глаз. – Эта ваша вечеринка начнется в полдень, а озеро Ланьер – примерно в часе езды отсюда, в зависимости от транспорта. – Предупреждая следующий вопрос Мэрили, она сказала: – Я забыла купить поднос и знаю, что у вас его тоже нет, поэтому принесла вот этот. Я имела смелость уложить печенье на него, и, думаю, он произведет хорошее впечатление.

Мэрили не знала, что чувствует – раздражение или благодарность. Интересно, как она понесет печенье? Надо бы по дороге заехать в супермаркет и купить одноразовый контейнер.

Словно читая ее мысли, Душка сказала:

– Это серебро установленной пробы. Из маминого приданого. Я надеюсь, вы мне его вернете.

– Спасибо, – ответила Мэрили, ощущая обиду и вместе с тем облегчение. Она начинала привыкать к этой жгучей смеси по мере того, как все дольше общалась с Душкой Прескотт.

Уэйд поднялся и оторвал первую страницу блокнота.

– Здесь учтена стоимость всех материалов. За работу я ничего не возьму – это мое хобби, и я только рад немного развлечься. Ну можете постричь мой газон. – Он ухмыльнулся.

Прежде чем она успела что-то возразить, вбежали дети, и Мэрили застыла, не в силах поверить своим глазам. Вместо футболок и хлопковых шорт, которые они обычно носили по выходным, Колин надел рубашку-поло с воротником и бриджи со стрелками, а Лили – платье без рукавов, лежавшее в самом дальнем углу шкафа.

– Тетя Душка сказала, раз мы идем на вечеринку, надо быть нарядными, – объяснила Лили.

– Да, но...

– Мы положили в рюкзак сменную одежду и купальники. Можем переодеться, если все будут не такие нарядные.

Мэрили вновь не смогла подобрать слова. Дело было не в том, что Лили сказала что-то не то, и не в том, что Мэрили не понравилась эта идея. Но она разозлилась. Не потому что Душка взяла на себя ее родительские обязанности, а Лили и Колин безоговорочно подчинились, а потому что снова ощутила благодарность за то, что ей помогли.

Уэйд, не обращая внимания на этот полный подводных камней разговор, повернулся к Душке:

– Когда приду и начну этот проект, притащу побольше сена в амбар. Взобью повыше и научу детей прыгать с сеновала. Или, может, ты им покажешь?

– Еще чего, Уэйд, – строго сказала Душка. – Современным детям такого не разрешают. Во всяком случае, без шлема и нарукавников.

– Что за амбар? – спросил Колин. Лили вновь нахмурилась.

– Разве Душка не показала вам свой амбар? На другой стороне леса, но дойти – две минуты. Мы с сестрами только и прыгали с сеновала с тех пор, как научились ходить. Своего рода обряд посвящения в здешнюю жизнь. – Он посмотрел на Лили, и его лицо внезапно приняло очень серьезное выражение. – Может, вам Душка и овец не показала? Каждое Рождество она повязывает им на шеи красные ленточки.

– Вообще-то это делаешь *ты*. Я просто разрешаю, потому что полиция знает, кто ты такой, и нипочем тебя не арестует, раз ты мне почти что внук. – Губы Душки собрались в хмурюю складку.

– Никаких прыжков с сеновала, – отрезала Мэрили, вспомнив Руфуса, и кухонный стол, и мальчишку Кертиса. Посмотрев Душке в глаза, поняла, что старая женщина думает о том же

самом, и, чтобы сменить тему, отправила детей на кухню есть овсянку. Поймав неодобрительный взгляд Душки, велела съесть немного фруктов.

Уэйд ушел, чтобы купить материалы и начать работу в мастерской, пообещав, что пришлет фото и убедится, что Мэрили хочет именно такие полки. Предложил подвезти Душку, но та отказалась и направилась к двери. Мэрили позвала ее по имени. Старушка остановилась, держа руку на ручке двери, будто ей не терпелось уйти.

– Все эти книги на полках – о птицах. Их читал Джимми?

Душка ответила не сразу, словно раздумывала, сказать ли правду. Наконец пробормотала:

– Да. Его. Он метко стрелял, а потом обменивал белок и кроликов на книги, потому что папа в жизни не стал бы тратить денег на такую роскошь. Джимми был своего рода предпринимателем.

– Его... давно не стало?

Душка вновь поджала губы, и Мэрили поняла, что зашла слишком далеко. Но она должна была задать этот вопрос. Должна была выяснить, что случилось с Джимми.

– Расскажу в другой раз. – Она мягко закрыла за собой дверь и медленно побрела по ступенькам к подъездной дорожке. Мэрили пошла за ней.

– Можно мы почитаем эти книги? Мне кажется, Колину понравится изучать птиц: здесь их много, а он терпеливый мальчик и любит наблюдать за живой природой. Я куплю ему бинокль, и...

– Я подумаю, – оборвала Душка и, не говоря больше ни слова, направилась к себе в дом, держа спину прямо, но опустив голову, которая словно клонилась вниз под тяжестью воспоминаний.

Глава 7

Мэрили

Устроившись на заднем сиденье, Лили держала на коленях поднос с печеньем, и Мэрили уже в десятый раз пожалела, что не доверила его Колину. На каждом повороте Лили пугалась так, словно вот-вот упадет в обморок, не справившись со своей миссией – сохранять печенье аккуратно разложенным.

– Солнышко, ничего страшного, если они перемешаются. Разложим заново, когда приедем.

– А если Бейли увидит их до того, как мы их разложим?

У Мэрили было несколько вариантов ответа на этот вопрос, но среди них трудно было выбрать тот, что годился бы для юных ушей.

– Тогда ты скажешь ей, что они очень вкусные, но ей придется немного подождать.

Колин, сидевший рядом с сестрой, нервно заерзал.

– Что, если собака придет во двор меня искать, а меня там нет?

– Если в лесу упало дерево и никто не слышал, как оно упало, то был ли звук? – Ей не хотелось язвить, она просто нервничала оттого, что скоро увидит на вечеринке людей, о которых ничего не знает, зато они знают о ней кое-что. Например, как ее бывшему мужу живется с беременной подружкой.

– А? – спросил Колин.

– Извини, – ответила Мэрили. – Я просто отвечаю гипотетическим вопросом на твой гипотетический вопрос. И надо говорить не «а», а «что, прости». Иначе люди подумают, что ты вырос в хлеву.

– А что плохого вырасти в хлеву? По-моему, круто. Можно завести собаку и вообще сколько хочешь животных, это же хлев.

Если бы дорога к дому Хизер на озере Ланьер не была такой узкой и извилистой, Мэрили закрыла бы глаза от усталости и тоски.

– «Гипотетический» – значит, не основанный на фактах, но, по мнению кого-то, верный, – объяснила Лили. Мэрили крепче вцепилась в руль.

Она несколько раз была в этом районе – возила детей к озеру, известному как «водная детская площадка», – но в гости ни к кому не ходила. Когда Хизер сказала, что у нее на даче найдется место для Колина, Мэрили представила себе маленькую хижину в лесу, с видом на озеро из-за деревьев. Вот почему, когда навигатор велел ей ехать к огромным воротам, она изумилась, увидев человека в униформе и с доской-планшетом. Еще больше она удивилась, когда он попросил ее представиться и сообщил, что она в списке.

Дорога стала еще уже – теперь она бежала по густому лесу; из-за деревьев то тут, то там, дразня, мелькало озеро. Наконец им пришлось остановиться, потому что всю дорогу заняли машины. Мэрили поставила минивэн на парковку, и к ней тут же подбежал молодой человек в бриджах цвета хаки и белой рубашке, застегнутой на все пуговицы. Мэрили опустила окно.

– Я ищу дом номер восемь тридцать шесть, – объяснила она.

– А, дачу Блэкфордов? – Юноша протянул ей отрывной талон. – Садитесь в любой гольф-мобиль¹¹, и мы вас с радостью отвезем.

– Не стоит. Мы дойдем, – ответила Мэрили, бросив взгляд на тяжелый поднос с печеньем.

---

¹¹ Маленький открытый автомобиль для перевозки игроков в гольф, рассчитан на двух-четырёх пассажиров.

– Ну это примерно три четверти мили, большей частью по холму, так что я бы вам советовал доехать. Для того мы тут и нужны. – Он улыбнулся и открыл ей дверь.

– Ну хорошо. Давай мне поднос, Лили.

Девочка посмотрела на мать с большим облегчением, чем оправдывала ситуация.

В гольфмобиле, который вел такой же молодой человек в бриджах цвета хаки и белой рубашке, они доехали до двух больших пилонов, увенчанных каменными, свирепого вида львами в натуральную величину. Взглянув на свои шорты, Мэрили подумала, что лучше бы надела платье.

Ворота распахнулись, и им предстал впечатляющий вид на озеро, большую палубу, лодочную станцию и длинный ряд всевозможных водно-моторных игрушек. Несколько взрослых и детей шли к палубе, но у Мэрили не было времени высматривать среди них знакомых, потому что она не могла оторвать глаз от дома.

Точнее, это был не дом. Даже назвать его особняком было бы неточностью. Это был скорее дворец из диснеевского мультфильма – огромный, с бесчисленными башенками, сводчатыми окнами и металлическими украшениями. Его нельзя было описать каким-то одним архитектурным термином. Казалось, кто-то бросил все существующие стили в один горшок и как следует перемешал, и в результате вышло нечто скорее удивительное, чем красивое.

Гольфмобиль свернул к дому, закрыв шикарный вид, и остановился перед широкими каменными ступенями, ведущими к двойным деревянным дверям. Изогнутая арка над ними была такой высокой, что за ней вполне мог бы расположиться средневековый замок с огромным рвом. Но рва не было, только идеально подстриженная лужайка и сад, такой яркий и свежий, что Мэрили он показался искусственным.

– Мэрили!

Услышав свое имя, она повернулась и, к неожиданному облегчению, увидела Линди Мэттьюс. У них так и не появилось возможности выпить вместе кофе, но они несколько раз общались по телефону, и Линди удалось существенно облегчить тревоги Мэрили по поводу того, что давать детям с собой на ланч, и того, нужно ли благодарить весь класс ответными подарками (оказалось, можно обойтись без этого). Способность Линди внимательно выслушать собеседника и внимательно рассмотреть проблему со всех сторон, прежде чем дать совет, по-видимому, и помогла ей стать отличным юристом. Мэрили нужно было с кем-то обсудить блог, и она подумала, что надо бы пригласить Линди на обед в удобный для обеих день, потому что разговор явно потребует больше времени, чем займет чашечка кофе.

Линди улыбнулась, обнажив передние зубы, чуть испачканные розовой помадой.

– У тебя тут след остался, – сказала Мэрили, коснувшись пальцем собственного зуба. Линди закрыла рот и провела языком по губам.

– Может, хоть это меня научит не красить губы за рулем. Обычно я вообще не крашусь, но одна из мам – бывшая «Мисс Джорджия», и я всякий раз чувствую, что должна соответствовать.

– Кто из них? – спросила Мэрили, впервые взглянув на гостей и не узнав никого без теннисной униформы.

– Высокая, рыжая, с ногами от ушей. Вот почему сюда столько пап явилось. – Она подмигнула. – Пошли. Покажу тебе, куда поставить печенье. Это у них вроде как гостиная, но Дженна говорит – банкетный зал.

Они зашли в дом, и Мэрили изо всех сил старалась не таращиться на стену, сплошь покрытую окнами, обрамлявшими вид на озеро, на плюшевую мебель и картины в прихожей. Она смотрела на девочку, идущую рядом с Линди – миниатюрную копию мамы.

– Привет, Дженна. Я – миссис Данлап, мама Лили. Она говорит, у тебя очень хорошо с математикой, правда, Лили?

Обернувшись, она увидела, что дети куда-то делись, бросив сумки с купальниками и сменной одеждой. Ощувив панику, которая становится неизменной спутницей любой матери с момента рождения ребенка, она не успокоилась, пока не нашла взглядом их обоих. Лили окружила стайка девочек, среди которых была Бейли Блэкфорд, а Колин, скрестив ноги, сидел напротив большого черного лабрадора и пытался почесать его за ушами. Мэрили предположила, что это собака Блэкфордов, и подумала: надо бы спросить у Хизер, не нужен ли им кто-то, кто может иногда за ней присматривать.

– Мне нравится Лили, – сказала Дженна так тихо, что Мэрили пришлось к ней наклониться. – Она ко мне хорошо относится.

Мэрили посмотрела ей в глаза, не сразу поняв скрытый смысл ее слов.

– Солнышко, может, ты пообщаешься с ней и она тебя познакомит со своими друзьями? – предложила Линди. Лицо Дженны исказилось гримасой паники.

– Я голодная. Можно я сначала что-нибудь съем? А потом пообщаюсь.

Линди посоветовала Дженне поискать что-нибудь в рюкзаках, но тут все трое добрались до живописного зала, идеального для средневекового банкета. Он был длиннее, чем средне-статистическая лужайка для игры в боулинг, и посреди него высился столь же длинный стол. Деревянные стропила разделяли пополам высоченный, как в соборе, потолок; в четырех железных канделябрах, стоявших на столе, горели свечи. Тщательно запрятанные в нишах на стене лампы и три высоких створчатых окна заливали комнату светом, в котором мерцала и переливалась упаковка на всевозможных подносах, тарелках и блюдах. Мэрили про себя поблагодарила Душку за щедрость и постаралась не думать о том, как выглядел бы среди всего этого великолепия одноразовый контейнер или пластиковый поднос.

Наклонившись к самому уху Мэрили, Линди прошептала:

– Муж Хизер – врач, но лет шесть назад уволился и открыл целую сеть пунктов медпомощи в торговых центрах по всему штату. Дела пошли так хорошо, что захватили еще двадцать штатов. На случай, если тебе интересно. – Она прошла к столу, отодвинула тарелки, чтобы поставить большую хрустальную вазу с салатом и печенье Мэрили.

Невысокая полная брюнетка с оливковой кожей аккуратно снимала с блюд пластиковую упаковку. Поправила серебряную вазу с фруктами, стоявшую посреди стола, из которой свисали каскадом грозди винограда трех сортов. Не отрываясь от своего дела, она подняла голову, улыбнулась Линди и Мэрили.

– Это Патрисия, домработница, – тихо сказала Линди. – Еще есть личная помощница, Клэр, ее ты тоже увидишь. Раз оба твоих ребенка в одном классе с детьми Хизер, ты познакомишься и с той, и с другой. Все родители знают Патрисию и Клэр. – Трудно было сказать, какого мнения Линди по этому поводу.

Обе женщины отошли от стола. Дженна, положив на стеклянное блюдо в форме раковины крошечные порции еды, изучала их, словно материалы для исследования.

– А твой муж где? – спросила Мэрили, заметив, как много здесь собралось мужчин.

– Дома, с младшим. Генри только полтора года, он должен в это время спать, а то всем будет плохо. – Она помахала брюнетке на другом конце стола. Женщина улыбнулась и направилась к ним, держа в руках два блюда, до краев наполненных едой.

– Мэрили, это Джеки Тайсон. Учитель физкультуры и тренер команды чирлидеров. Взятка она не берет, даже не пытайся. – Линди и Джеки рассмеялись, но как-то напряженно, будто неискренне. Мэрили представилась, стараясь не улыбаться при мысли, что могла бы угадать профессию Джеки по велосипедкам и мускулистым ногам.

– Рада познакомиться, – с улыбкой сказала Джеки и вновь рассмеялась. – Но не стойте слишком близко к еде – мы с мужем приехали на мотоцикле. Не учли, что будет так жарко и так... холмисто, – она подняла оба блюда. – Но по крайней мере не буду переживать из-за лишних калорий.

Мэрили одобрительно кивнула.

– Впечатляет. Мне было непросто доехать сюда на машине. Думала, тормоза откажут на каком-нибудь из этих склонов.

– Ваша Лили хочет в чирлидеры? – спросила Джеки.

– Мне она не говорила. Но ей никогда особенно не нравилось все это, а я на нее не давлю.

– Я так понимаю, вы тоже чирлидером не были?

Мэрили натянуто улыбнулась.

– Почему, была. Но прошло столько лет... – Она глубоко вздохнула, желая сменить тему. – Лили хочет играть в теннис. Может, запишу ее в младшую группу Ассоциации лаун-тенниса Атланты. Ее отец играет в команде – думаю, это он ей поддал такую идею. Прошлым летом она ходила на занятия, ей очень нравилось, и хотя теперь мы живем довольно далеко отсюда, думаю, АЛТА для нее – хороший шанс подружиться с ровесницами.

– Бейли состоит и в АЛТА, и в команде чирлидеров, – тихо сказала Дженна, прежде чем откусить половинку виноградинки.

– Ну я с моим расписанием могу выбрать только что-нибудь одно, – сказала Мэрили.

– И я, – добавила Линди. – Только так у меня получится не сойти с ума.

– Вы играете в теннис? – спросила Джеки у Мэрили.

– Ох, нет. С ракеткой в руках я не лучше годовалого малыша. Но игра мне нравится. Я думала было вступить в Ассоциацию, на самый начальный уровень, где мои проблемы с координацией будут не так заметны. Для меня это, наверное, больше социальный клуб, плюс немножко тенниса.

Джеки и Линди переглянулись.

– В АЛТА нет такого понятия, как уровень, – объяснила Линди. – Сюда приходят ради борьбы. Ради значка, который тебе цепляют на сумку, когда выиграешь чемпионат. И ради еды. Чем ниже твой уровень, тем круче еда, которую ты приносишь на матч. Это такое же соревнование, как собственно теннис. Может, и еще серьезнее.

Мэрили засмеялась было, но тут же умолкла, поняв, что смеется лишь она одна.

– Мой муж сейчас начнет возмущаться, где его еда. Он и тут при деле – ждет, когда кто-нибудь свалится в воду, чтоб его спасти, – сказала Джеки. – Да, еще вот что: из ваших знакомых никому кот не нужен? Я нашла котят, а муж вредничает – говорит, их нельзя оставить, хватит с меня бигля и рыжей кошки в полоску. – Она кивнула Мэрили. – Рада была познакомиться. Можете звонить в любое время, если у вас возникнут вопросы насчет физкультуры или вам нужен совет – хотя, если вы дружите с Линди, она вам поможет в любой ситуации. – Джеки вновь улыбнулась и пошла к выходу, проталкиваясь сквозь толпу, – по всей видимости, подумала Мэрили, здесь собралась вся начальная школа. Несколько женщин помахали ей, она улыбнулась и помахала в ответ, но не стала к ним подходить, опасаясь любых разговоров, особенно таких, в которых речь может зайти о блоге. Может быть, блогерша – кто-то из них, стоит ли давать ей новый материал?

– Мэрили! Я так рада, что ты пришла! – вскричала Хизер, явившись во всем своем светловолосом блеске, сверкая загорелыми руками и ногами, которые превосходно оттеняло белое платье, подчеркивая при этом великолепную грудь и стройную фигуру. Осознав, что сутулится, Мэрили скрестила руки и решила, что, несмотря на слова Джеки, начнет заниматься теннисом и согласится на любые унижения, если в результате будет выглядеть как Хизер Блэкфорд.

Яркие голубые глаза обвели взглядом всю фигуру Мэрили – от блузки без рукавов и шорт в складку до темно-синих кед. Повернув голову, Хизер сказала:

– Тебе я тоже рада, Линди. – Она одарила Дженну сияющей улыбкой. – Похоже, ты единственная, кто написал тест по математике без ошибок? Может быть, ты поможешь Бейли подготовиться к следующему?

Дженна подняла глаза, в которых читались надежда и ужас.

– Хорошая идея, – тихо сказала она и опустила глаза в пол; маленькая ручка скользнула в ладонь Линди.

Линди улыбнулась:

– Мы с Дженной пойдем переоденемся в купальники. Рюкзаки Лили и Колина отнесу в раздевалку у бассейна на случай, если они тоже захотят поплавать.

– Спасибо, Линди. И, раз уж речь зашла о них – пойду посмотрю, как там мои дети...

– Ты знакома с моим мужем Дэниелом? – вмешалась Хизер, вцепившись Мэрили в руку.

Линди бросила на нее многозначительный взгляд и ушла.

– Кажется, нет.

Обернувшись, Мэрили увидела рядом с Хизер высокого светловолосого мужчину. Он был так же красив, подтянут и уверен в себе, как и его супруга – идеальный Кен для этой Барби. И все-таки в нем явно чувствовалась какая-то фальшь. Несмотря на теплое приветствие и открытый взгляд, что-то с ним было не так.

– Она тоже из Джорджии. – Хизер вновь просияла улыбкой. – Уверена, поэтому мы станем лучшими подружками.

– Из Джорджии, – повторил Дэниел, разглядывая Мэрили. Она старалась улыбаться, старалась глубоко дышать.

– У вас красивый дом.

Он повернул голову, будто только что понял, где находится. Будто не он все это оплатил.

– Спасибо. Хизер проделала неплохую работу, да?

Эти слова показались Мэрили искренним вопросом. Казалось, он ищет поддержки.

– Конечно. – Мэрили пыталась придумать, что еще сказать, но внезапно раздался детский крик, становясь все громче и громче.

– Это Лили, – сказала Мэрили раньше, чем осознала эту мысль. Умение чувствовать, когда ее ребенку плохо, – еще одна особенность, сопровождающая каждую мать с момента его рождения. На затылке вырастают глаза, развивается шестое чувство, и она понимает, когда случается страшное.

Мэрили помчалась мимо французских окон, занимавших всю стену. Люди расступались, когда она неслась по ступеням туда, откуда доносились крики, не до конца осознавая, что Дэниел бежит за ней.

Она остановилась у трамплина, увидев светлые волосы Лили. Хрупкая фигурка, скрюченная от боли, была легко различима на фоне черной плитки бассейна. Незнакомая женщина склонилась над ней, осторожно касалась голой ноги девочки.

– Лили, – позвала Мэрили, осторожно поднимаясь на трамплин.

– Мама! – Лили, крики которой перешли в тихие всхлипы к тому времени, как Мэрили добежала до бассейна, вновь разразилась рыданиями. – У меня нога застряла в трещине! Мне кажется, я ее сломала и теперь не гожусь ни для тенниса, ни для чирлидерства...

Последнюю фразу Мэрили уже не слышала. Она подползла к дочери. Почувствовав за спиной чье-то незримое присутствие, обернулась, увидела, что Дэниел стоит рядом.

– Спасибо, Марта, – сказал он женщине. – На что похоже?

– Я уже давно не практикую, но не думаю, что это перелом. Или растяжение, или вывих.

Опустившись на колени, он взял в руки ногу Лили.

– Дальше я сам. Спасибо за помощь.

Женщина кивнула и, бегло улыбнувшись Мэрили, побрела к краю трамплина. Мэрили придвинулась ближе к дочери, взяла ее за руку. Рыдания понемногу стихали, но вид у Лили по-прежнему был испуганный.

– Привет, Лили. Я доктор Блэкфорд, папа Бейли. Мне кажется, ты просто вывихнула лодыжку. Тебе очень повезло, потому что могло бы случиться что-нибудь гораздо хуже. Я наложу повязку и приложу лед, а ты, пожалуйста, постарайся не шевелиться и не снимать ее ни

сегодня, ни завтра. Я понимаю, что тебе не очень хочется, но мне кажется, тебе лучше поехать домой. Иначе может стать гораздо хуже.

С другой стороны трамплина подбежал Колин, державший в руках огромный рожок, большая часть которого стекала по его физиономии. Следом явился черный лабрадор – судя по всему, эти двое были созданы друг для друга.

– Мне тоже надо домой? – Он опустил руку и дал лизнуть рожок собаке, прежде чем сунуть в рот.

– Я не хочу домой! – взвыла Лили.

Появилась Хизер и, нервно постукивая розовыми ноготками по краю трамплина, спросила:

– Ты же не хочешь пропустить пробы в команду чирлидеров, правда, Лили? Отправляйся-ка домой и отдыхай, тогда к пятнице непременно поправишься.

– Мама! – возмутился Колин. – Не хочу!

Не обращая внимания на протесты, Хизер сказала:

– Дэниел может вас отвезти. Мне кажется, опасно доверять тебе вести машину, потому что тебя и саму трясет, как Лили. Так что он вас довезет, а завтра утром кто-нибудь доставит домой ваш минивэн.

На лице Дэниела появилось выражение не то удивления, не то недовольства, но тут же исчезло, и Мэрили не смогла понять, что же это было.

– Честное слово, не стоит... – начала было Мэрили, но Хизер тут же перебила:

– Мы настаиваем. Да, Дэниел? – Она многозначительно посмотрела на мужа.

– Да, конечно, – ответил он. – Сейчас принесу компресс и лед, а потом отнесу ее в машину.

Детям пришлось повиноваться. Дэниел отнес Лили в гараж и осторожно положил на сиденье черного «Мерседеса», спросив Колина, не будет ли он против, если нога Лили будет лежать у него на коленях. К удивлению Мэрили, он не стал возражать, слишком расстроившись оттого, что пришлось оставить нового друга, который стоял на подъездной дорожке, смотрел на Колина и махал хвостом.

Они выехали из гаража, Дэниел повел машину по дороге. Все были погружены в свои несчастья.

– Ну правда не стоило, – повторила Мэрили уже, наверное, в сотый раз. – У Лили все будет хорошо, и я вполне в состоянии вести машину.

– Может, так и есть, но я должен убедиться, что вы без проблем доберетесь домой. Во всем виноваты мы, раз Лили пострадала на нашей территории. Это меньшее, что я могу для вас сделать.

– Ладно, – Мэрили вскинула руки вверх, – больше я об этом говорить не буду. Но мне так жаль, что вам пришлось покинуть вечеринку!

Он тихо вздохнул:

– Вечеринки больше любит Хизер. Между нами, я лучше ловил бы рыбу на озере Мюррей. Ни звука в тишине... а виды просто прекрасны. Я называю это моим личным кусочком рая на земле.

– И впрямь похоже на рай, – согласилась Мэрили. Ей нравилась тишина в машине. В ушах все еще не смолкал шум вечеринки. – Я недавно въехала в одинокий дом и теперь наслаждаюсь тишиной. Когда мне приходит эсэмэска, это как нарушение моего личного пространства.

– В моей рыбацкой хижине нет ни сотовой связи, ни вайфая. И это один из ее плюсов.

Он широко улыбнулся, как будто поделился с ней главным секретом, и она поймала себя на том, что улыбается в ответ. Хотя обычно она пугалась таких мужчин, как Дэниел Блэкфорд, – успешных, уверенных в себе и очень красивых.

– И, прошу, зовите меня Дэн. Меня всю жизнь называли Дэн или Дэнни, пока я не встретил Хизер. Ей больше нравится Дэниел.

– А мне – Дэнни. – Мэрилли рассмеялась при мысли о том, насколько ему не подходит такой вариант имени. – Ваша семья по-прежнему вас так называет?

– Только старший брат, но он сейчас в Чикаго, так что мы не слишком часто видимся. Мы оба родились и выросли на окраине Мейсона, и он дожидаться не мог, когда выберется отсюда. Ну а я в глубине души мальчишка из Джорджии, и вряд ли я смог бы жить где-нибудь еще. И детей хотел растить здесь, чтобы у них было такое же детство, как у меня. Чтобы они плавали в омутах, рыбачили, летними вечерами ловили светлячков в банки. – Он умолк, и Мэрилли увидела, как почти неуловимо изменилось выражение его лица. Это был уже не Дэниел Блэкфорд, которому ее представили, а человек, чьи надежды были разрушены.

– В наше время трудно растить детей, это уж точно, – сказала Мэрилли, желая разрядить обстановку.

– Почему трудно, мам? – спросила Лили.

Мэрилли повернулась и посмотрела на дочь – хмурая складка на лбу стала глубже, замотанная компрессом нога лежит на коленях спящего брата.

– В другой раз обсудим. Как твоя нога?

– Да нормально, почти не болит. Может, вернемся? Там так весело! – Она вдруг выпрямилась и округлила глаза. – Ой! Мы забыли поднос!

Мэрилли тоже выпрямилась. Слова дочери привели ее в еще больший ужас.

– Давай без паники. Я попрошу маму Дженны его забрать и привезти мне.

– Предоставьте это мне, – сказал Дэниел. – Не сомневайтесь, завтра утром вам его доставят вместе с минивэном.

– Мне так неудобно... Давайте я лучше позвоню бывшему мужу, пусть посидит с детьми, а я съезжу заберу машину и поднос.

– Я сам обо всем позабочусь, – заверил Дэниел, и Мэрилли поняла – так и будет.

– И рюкзаки, – пискнула Лили. – Мы забыли рюкзаки.

– Они в раздевалке, – сказала Мэрилли почти виновато, но больше не стала просить, чтобы ей предоставили самой решить этот вопрос. Было без того очевидно – Дэн привык всегда добиваться своего. Кроме как в семье.

Всю дорогу они болтали, что немало удивило Мэрилли. Она ждала, что будет чувствовать себя напряженно, но он оказался приятным собеседником – расспрашивал о работе и детях, избегая темы развода и того, почему детям пришлось поменять школу. Он был совсем не похож на Хизер. Не то чтобы Мэрилли очень хорошо поняла сущность кого-то из них, но он казался настолько же тихим и погруженным в себя, насколько открытой и общительной была она. Может быть, именно это и привлекло их друг в друга.

Когда они приближались к Свит-Эшплу, Мэрилли объяснила, как доехать до дома.

– Поверните направо и, когда доберетесь до белой ограды, сверните влево, на грязную дорогу.

– Это же дом Душки Прескотт, – удивился он.

– Да. Я снимаю коттедж у нее за домом.

– Она такая... мои родители говорят, что это по-настоящему хорошие люди. С четкими принципами и убеждениями. Вы знаете, что она была мэром Свит-Эшпла? Очень давно, еще до того, как я сюда приехал, – но, я так понимаю, она пошла против родного брата. Сильно, да?

– Еще бы. Вы с ней встречались?

– Ага. – Он улыбнулся. – Явилась ко мне в кабинет, причем безо всякой записи. С вопросом по поводу новой клиники на главной улице. Ей хотелось более эстетичного дизайна и побольше деревьев. И я согласился. Потому что она была права. И потому что она не стала

нажимать на нужные кнопки, что обычно называется правительственной бюрократией. За это я ее уважаю.

– Тот серебряный поднос – Душкин.

Дэн поднял брови:

– Тогда я лично отвечаю за то, чтобы вам его вернули как можно скорее. Может, даже отполирую до блеска.

Представив его за таким занятием, Мэрили рассмеялась и вместе с тем подумала: он может.

Они подъехали к большому дому. Мэрили затаила дыхание. К счастью, на крыльце никого не было, и ей не пришлось признаваться, что она забыла поднос. Дэн на руках внес в дом Лили, вопившую, что она может пойти сама, и аккуратно положил на диван перед телевизором, так чтобы нога лежала на подлокотнике. Снял компресс, осмотрел ногу, вновь обмотал, велел Мэрили приложить лед на двадцать минут и оставил свой телефон, чтобы она в случае чего могла ему позвонить.

Она вышла вслед за ним на крыльцо.

– Большое спасибо, Дэн. Вы не представляете, как я вам благодарна.

– Всегда рад помочь. И если ваш мальчишка захочет научиться ловить рыбу, звоните. Я пытался учить девчонок, но им не очень-то понравилось насаживать червей на крючок, и чистить рыбу они уж точно не будут. Уверен, в этом озере полным-полно рыбы. И поскольку мы с Душкой большие друзья, она нам разрешит. – Он подмигнул.

– Хорошо. И еще раз спасибо.

– Спасибо вам, Мэрили, – сказал он. – Мне редко удается пообщаться с кем-нибудь из друзей Хизер, но с вами поговорить было приятно.

Они попрощались, и он скрылся в своем «Мерседесе». Мэрили подумала, что он, наверное, предпочел бы легковой грузовик. Может быть, Дэн прячет его за рыбацкой хижиной, там, где не увидит Хизер.

Она смотрела вслед «Мерседесу», пока он не скрылся за поворотом, подняв клубы красной глиняной пыли и оставив слегка неуютное чувство, что здесь был кто-то чужой.

Глава 8

Душка

Телефонный звонок оторвал Душку, печатавшую очередное письмо Уилле Фэй, от этого занятия. Пальцы застыли на старых круглых клавишах, она замерла, не сразу поняв, откуда доносится звук. Ноги затекли от долгого сидения, она с трудом поднялась и побрела к телефону с дисковым циферблатом, стоявшему на столике в прихожей и трезвонившему в одиннадцатый раз.

– Душка, добрый вечер. Это Дэниел Блэкфорд. Как у вас дела?

– Здравствуйте, Дэн. Да вот дышу пока. Надеюсь, вы насчет помидоров, а не насчет того, чтобы продать мою землю. Я того же мнения и менять его не собираюсь.

Он хрипло рассмеялся:

– Я понимаю, Душка. Не волнуйтесь. Я звоню по поводу Мэрили Данлап. Ее дочка, Лили, вчера у нас на вечеринке повредила ногу, и я бы вас попросил зайти к ним, посмотреть, как дела, и рассказать мне. Я просил Мэрили позвонить, если ей что-нибудь будет нужно, но она не звонит. Мы оба знаем – это не означает, что все хорошо. Мэрили, наверно, сгорела бы со стыда, если бы узнала, что я спрашиваю, как она там. По-моему, она очень независимая. Вряд ли ей понравится, если я позвоню ей лично.

Душка ответила не сразу. Не стала говорить первое, что пришло в голову. Дэниел Блэкфорд был одним из тех немногих людей, кого она еще терпела, и она знала – просьбы о помощи нелегко ему даются. И, конечно, она не могла бы ему объяснить, почему ей не хочется общаться с Мэрили Данлап. Каждый раз, приходя к ней, она будто сталкивалась с самой собой, только гораздо моложе. Ей достаточно трудно пришлось в молодости, которую теперь не было ни малейшего желания вспоминать. Но, стоя на крыльце дома Мэрили, она чувствовала, как ее словно ураганом затягивает в чужую жизнь, и неважно, хочет она того или нет.

– Хорошо, загляну и расскажу вам. Принесу ей томатов, что ли, и кукурузный хлеб, который остался от ужина. Так что причина у меня есть. Безо всякой причины к ней заявляться как-то подозрительно, а еда ей пригодится. Сомневаюсь, что эта женщина умеет готовить.

– Ну, сейчас это не такой уж большой грех, Душка.

– Вот и зря. Когда-то я могла сделать полноценный обед отцу и братьям из пригоршни листовой капусты, муки и пары яиц. Не скажу, чтобы это было очень уж вкусно, но животы набивало.

– Я понял. Перезвоните мне, пожалуйста, и расскажите, как там Лили.

– Хорошо. И вот еще что, Дэн. Постарайтесь, чтобы мой поднос ко мне вернулся. Вы же знаете, он мамин.

Повисла пауза. Душка довольно улыбнулась.

– Как вы узнали о подносе?

– Была сегодня в церкви. Парковка у Первой методистской – все равно что гибрид рупора и желтой прессы.

Дэн громко рассмеялся:

– Вы ничего не упустите, верно, Душка?

– Само собой.

Повисла пауза, потом он сказал:

– Рад слышать.

Они попрощались, Душка накрыла салфеткой печатную машинку и пошла в кухню за кукурузным хлебом и томатами. Облака на небе немного защищали от солнечного жара, но дорожка от дома до коттеджа все равно казалась бесконечной. И все-таки Душка предпочитала ползти на своих двоих, а не тратить деньги на бензин.

Она посмотрела в сторону леса, и на миг ей показалось, будто она увидела мираж: туманный образ маленькой белой собачки у опушки. Дикси. Она остановилась, пригляделась, порадовалась тому, что помнит это имя, хотя уже давно не вспоминала чудесную собаку, которая была у нее в детстве. Последняя собака в ее жизни. Душка моргнула, и образ исчез.

Ей хотелось верить, что бедняжка побежала к себе домой. Что она не потеряется. Бедная собачка. Они всегда думают, что лес – их спасение, тенистая прохлада в жаркий летний день, блаженная тишина, когда от шума голосов звенит в ушах. Место, где можно побыть в одиночестве. Но все уже давно было совсем не так.

Душке понадобилась целая минута, чтобы перевести дыхание, взобравшись по ступенькам и постучав в дверь. Прежде чем она стукнула по ней второй раз, ей открыл Колин.

– Вы видели белую собаку? Видели? Она сидела тут, возле леса!

Мэрили стояла за спиной сына, и в ее глазах читалась паника.

– Мои глаза уже не так хороши, как раньше. – Душка поджала губы. – Не знаю, видела я что-нибудь или нет.

– Мама! Я же говорил, это собака! Если ты мне не разрешишь ее кормить, она умрет с голода! – Он рванул по ступеням во двор.

– Не уходи дальше качелей! – крикнула Мэрили ему вслед и виновато посмотрела на Душку. – Простите, что кричу. Выходные выдались очень тяжелыми. Вчера на вечеринке Лили повредила ногу и переживает, что не сможет стать чирлидером. До вчерашнего дня я и не знала, что она этого хочет. Теперь она боится на нее наступать и гоняет меня туда-сюда с поручениями. – Мэрили посмотрела на блюдо и бумажный сверток в руках у Душки. – Вам помочь?

– Да уж помогите. Хлеб остался от ужина, а томаты мне одной не съесть, так что это вам. Только посуду верните.

Щеки Мэрили порозовели; вне всякого сомнения, она вспомнила поднос. Открыла дверь пошире.

– Зайдете к нам?

Душка хотела было отказаться, потому что уже выяснила все, что было нужно Дэну, но внезапно ее взгляд упал на столик в прихожей и лежавшую на нем белую книжечку. В минуту слабости она позвонила Мэрили и разрешила Колину читать книги Джимми, если он обещает быть ответственным и бережно с ними обращаться. Все лучше для книг, чем стоять на полках. Душка прищурилась. Названия разобрать не смогла, но что это за книга, знала и так: «Птицы Джорджии и их гнезда». Знала, что на сорок девятой странице нарисована алая пиранга, а на шестьдесят второй – черно-белый набросок воробьиной овсянки в гнезде. Это были любимые картинки Джимми, и под каждой стояли отметки карандашом, сколько раз он их уже видел. А на сто тридцать шестой странице, в правом верхнем углу, остался маленький кровавый след, и если приглядеться, можно различить отпечаток пальца Джимми.

Душка посмотрела на Мэрили:

– Ну можно. Если вы приготовите сладкий чай, я не против его выпить. На улице жарко.

– Да, конечно. Проходите в кухню. – Она раскрыла дверь пошире ипустила Душку, прежде чем взять у нее сумку и тарелку и отнести на кухню.

Душка заглянула в гостиную и увидела, что Лили лежит на диване, положив ногу на подлокотник, и смотрит телевизор; на коленях ноутбук, пальцы бешено стучат по клавишам. На чайном столике перед диваном – грязные тарелки, стаканы, миска, полная попкорна. Девчонке, очевидно, очень даже неплохо.

Душка села за стол. Мэрили налила два стакана почти приличного чая с сахаром, поставила на стол печенье. Старая женщина крепко прижалась спиной к стулу. Ей не хотелось чувствовать себя слишком уютно. Она пыталась понять, что побудило ее рассказать историю о Руфусе и Ламаре. И Джимми. Может быть, мальчишка, Колин, чем-то очень похожий на ее самого младшего брата. Такой же долговязый, так же живо интересуется окружающим миром, так же мало заботится о насущном – ботинках, носовых платках, аккуратности. По этому мальчишеству Душка так скучала, когда не стало ее брата. Запах пота, запах мальчишки, исходивший от Колина, вновь вызывал в ней воспоминания. Вызывал желание расплакаться. А к этому она была совсем не готова.

– Хотите печенье? – спросила Мэрили, придвигая к ней блюдо.

– Нет, спасибо. Я слежу за фигурой. – Это было не так, но Душка все равно так сказала, боясь сближения с этой женщиной и ее детьми и чувствуя, что эта задача становится все труднее. Отхлебнула чаю, посмотрела на темные круги под глазами молодой женщины, на коротко стриженные ногти, пальцы в заусенцах. У них было слишком много общего, и Душку это нервировало. Ей казалось, она стоит на муравейнике и не может сдвинуться ни на шаг.

Мэрили откашлялась, и Душка ощутила странное удовольствие от того, что молодая женщина не решается с ней заговорить.

– Уэйд сказал, у вас есть старые карты вашего поместья до того, как землю поделили и построили площадку для гольфа. Я очень люблю старые карты... я вообще коллекционер. Мне бы очень хотелось их увидеть, если, конечно...

– У меня их уже нет, – перебила Душка. – Или они лежат где-то на чердаке, и понадобится не одна неделя, чтобы их отыскать. Очень жаль, – добавила она, хотя ей было ничуть не жаль.

Краем глаза она заметила какое-то движение, повернула голову и увидела Колина на качелях. В руке у него была, судя по всему, книга Джимми. Оторвавшись от нее, он посмотрел на сплетенные ветки над головой.

– Спасибо, что разрешили нам взять книги вашего брата, – сказала Мэрили. В ее голосе чувствовалась обида на то, что Душка оборвала ее так резко. – Вы себе не представляете, как Колина нравится рассматривать птиц. Вчера он увидел дятла. Целый день о нем говорит. Это такое счастье, потому что я до смерти устала от бесконечных разговоров о том, как он хочет собаку и как подберет бездомную, если встретит на улице.

Что-то сжалось в груди Душки, там, где должно было быть сердце.

– Я могу позвонить в службу контроля за животными. Пусть найдут эту собаку, если вы думаете, что она настоящая.

– Я не знаю, настоящая она или нет, – ее видит только Колин. Но я боюсь, что она окажется настоящей и он захочет ее оставить.

– Не бойтесь. – Душка не хотела этого говорить. Не хотела вмешиваться. Но есть минуты, которые не забываются, даже очень много лет спустя. – Почему вы боитесь? Почти все мои друзья говорят, что у ребенка, особенно мальчика, непременно должна быть собака. С ней он учится быть ответственным, заботиться не только о себе. – Душка печально улыбнулась, глядя на Колина, но видя другого мальчика. Другие времена. – У Джимми была собака. Дикси. Маленькая белая собачонка, которую завели вообще-то мне, но все наши собаки выбирали своим хозяином Джимми. Она спала в ногах моей кровати – я так думаю, просто в знак уважения, и потому что я ее кормила, и любила всем сердцем, – но всегда была на стороне Джимми. Даже в самом конце. – Она осеклась. – Но это был мой выбор, я сама не захотела там быть. Мама учила меня: хочешь сделать вид, будто чего-то не случилось, – отвернись и не смотри.

Она даже не стала спрашивать у Мэрили, хочет ли она услышать эту историю. Было слишком поздно. Она уже погрузилась в воспоминания – потому что в самом конце у нас остаются лишь они.

Душка

1935 год

Я смотрела, как Джимми и Ламар топчут страстоцветы, упавшие с цветущей пурпурной лианы, которую папа посадил под окном маминой спальни много лет назад, когда еще не оставил надежды ее порадовать. Сидя на ступеньках крыльца, я наблюдала за ними и слушала хлопки, с которыми лопались круглые шарики. Я хотела сказать им, что можно съесть страстоцветы, вместо чтобы топтать, но не сказала. Я была в переходном возрасте и еще не понимала, ребенок я или уже взрослый человек.

С тех пор, как год назад погиб Руфус, я сильно выросла. Не только стала выше ростом, но начала иначе думать. И чувствовать. Раньше мне нравилось топтать страстоцветы, чувствовать, как липкий сок течет по ногам; теперь – просто слушать этот звук. Джимми и Ламар были почти моими ровесниками, но я уже стала слишком взрослой, чтобы к ним присоединиться.

Заслушавшись, я не поняла, что Дикси нет рядом, пока не услышала тихий жалобный плач из-под крыльца, похожий на шуршание чистых простыней, когда кладешь их друг на друга, стеля постель. Склонившись, я увидела ее. Белая шерстка на задней лапе стала темно-красной от засохшей и свежей крови. Она пыталась слизать эту кровь, но ей было слишком больно, потому что каждый раз, касаясь язычком лапы, она вновь начинала скулить.

– Джимми! Ламар! Быстро сюда! Дикси поранилась.

Джимми полез под крыльцо, чтобы ее достать. Больше она в такую минуту, наверное, ни к кому бы не пошла. Она была совсем маленькой, легко умещалась в его руках, и когда он поднял ее в воздух, я увидела, что на ее искривленной ножке висит капкан.

Ламар погладил ее по подбородку, она положила голову ему на руку. Ее глаза потемнели, словно вместив в себя всю эту боль.

– Беличий капкан, – сказал Джимми, злясь и вместе с тем стараясь не плакать.

– Папа же велел Гарри их не ставить. У нас столько кошек, и Дикси, и они могут пораниться. – Я плакала, не стыдясь, вне себя от боли и злости. И ненависти к старшему брату, совсем не умеющему думать о других.

Папа открыл дверь. За ворот его рубашки была заткнута нагрудная салфетка.

– Что за шум? Может человек спокойно почитать газету?

Я рванула к нему, прижалась к мягкому телу.

– Дикси поранилась... она попала в капкан Гарри и сломала ногу. Надо везти ее к доктору...

Он будто стал меньше ростом. Плечи опустились, голова упала на грудь.

– Прости, Душка, у нас нет на это денег.

– А как же доктор Маккензи? Он согласится бесплатно! – Я не была уверена, но доктор Маккензи был папой Уиллы Фэй, а это чего-нибудь да стоило.

Папа покачал головой, посмотрел на Дикси, переставшую скулить, будто пытаюсь казаться храброй.

– Мне неловко так часто просить его об одолжении. К тому же тут уже ничего не поделаешь. – Он погладил меня по голове, как маленькую, и взглянул на Джимми и Ламара, как будто пытаюсь сказать им то, чего я не услышу.

– Я могу вправить. Я видела, как мама вправляла Гарри сломанную руку, и все запомнила... ну почти все... – Я уже готова была бежать вниз по ступеням, искать деревяшку, которую могла бы наложить как шину. Но отцовская рука легла мне на плечо, остановила.

– Собаке больно, Душка. Будет жестоко заставлять ее мучиться. У нее не только сломана нога, она еще и разгрызла рану. Пошло заражение, которое будет медленно ее убивать. Ты должна сделать правильный выбор.

Он сжал мое плечо – высшее проявление нежности, на которое он был способен – и пошел в дом. Дикси смотрела на меня чудесными карими глазами, но я не могла ее погладить. Я не смела. Это было бы как в библейской истории про Иуду. Хотя я без того чувствовала себя им.

– Это сделаю я, – сказал Джимми. Его голос был густым, как патока. – Она ничего не почувствует. Я поговорю с ней, успокою, скажу, что мы ее любим.

Ламар хмурился. Или мне так показалось? Сквозь слезы мне трудно было разглядеть.

– Я пойду с ним. Тогда ты не будешь винить только одного из нас.

Я кивнула и отвернулась, не в силах смотреть на чудесную собаку, которая каждую ночь спала в ногах моей кровати и терпеть не могла приносить палку, но всегда знала, когда кому-то грустно, и облизывала ему лицо, и радовала.

Я слышала, как кто-то пошел в дом за папиным пистолетом, лежавшим в кабинете, в ящике стола, а потом вернулся.

– Ты точно не хочешь попрощаться?

Это был Джимми, и он стоял за моей спиной, и я чувствовала запах Дикси, запах ее крови и дыхания, слышала, как она плачет. Я закрыла глаза и повернула голову, и ощутила нежную прохладу ее язычка, когда она лизнула меня в щеку в последний раз.

А потом они ушли, и я побежала в свою комнату, и накрыла голову подушкой, и лежала так долго-долго, чтобы не слышать, как выстрел эхом отдается в лесу. Когда я вернулась и стала готовить обед, я была уже совсем другим человеком. Если смерть Руфуса заставила меня повзрослеть вдвое, гибель Дикси вынудила стать совсем взрослой.

Человек многому учится, живя на ферме. То, что я не могла усвоить сама, мне объяснила мама Уиллы Фэй. Но в тот день я осознала две очень важные вещи. Первая: мой брат Гарри навсегда останется моим врагом. И вторая: я больше не люблю никого, кто может меня оставить.

Глава 9

Мэрили

Отвернувшись от окна, Душка посмотрела на Мэрили так, будто только теперь поняла, где она и с кем разговаривает. И было очевидно – обе женщины сейчас предпочли бы оказаться в любом другом месте.

Душка резко встала, держась за спинку стула.

– Мне пора идти. Принесете тарелки обратно, когда все съедите. Просто оставьте их на крыльце – не нужно стучаться мне в дверь и вынуждать меня подниматься, когда я не намерена этого делать.

– Хорошо. – Мэрили, поднявшись, вслед за Душкой вышла из кухни.

Лили, так и сидевшая за ноутбуком – Мэрили непременно нужно было что-то сказать по этому поводу, – подняла глаза и посмотрела на мать.

– Мам, Бейли только что мне написала, что печенье они отправят назад вместе с подносом. Наверное, они ожидали увидеть стикер с надписью «без глютена, без орехов и без молока».

– Но в них все это есть, – растерянно сказала Мэрили.

– Вот именно. – Лили вновь принялась печатать.

Не в силах смотреть на Душку и не желая комментировать слова по поводу подноса, Мэрили обрадовалась, услышав шум мотора. Она узнала грузовик Уэйда еще до того, как оттуда выбрался сам Уэйд. Мэрили впервые обратила внимание, как хорошо на нем сидят джинсы и как прекрасно может смотреться футболка на мужчине с хорошей фигурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.